

Содержание

Секция 16. Актуальные вопросы германистики в аспекте новой лингвистической парадигмы.....	2
Солодилова И.А. Оценка: категория и концепт. К постановке проблемы.....	2
Захарова Т.В. Семантико-грамматическая характеристика морфологических средств выражения концепта сравнения в немецком языке	9
Иноземцева Н.В. Заголовок как информационный аттрактор	16
Лаштабова Н.В. Готический романс (к истории вопроса).....	25
Романенко О.В. Сущность билингвизма	31
Рыхлова О.С. Аспектуальная характеристика глагольной семантемы на материале немецкого, русского и английского языков.....	35
Симутова О.П. Создание новых слов – основная разновидность словообразовательной игры в языке СМИ.....	42
Талалай Т. С. Место сложносоставных существительных в современном немецком языке	48
Телегина И.Л. Динамика русскоязычных заимствований в языке британских газет как отражение изменения информационной картины мира.....	52
Турлова Е.В. Лингвокультурологический аспект названий англоязычных учебных заведений.....	63
Хрущева О.А. Гибридные образования в системе телескопических сокращений.....	67
Чигорина Л.В. Категория оценки как аспект ценностной «картины мира».....	73
Шидловская И.А. Проблемы заимствования лексических единиц с уникальными основами.....	78

Секция 16. Актуальные вопросы германистики в аспекте новой лингвистической парадигмы

Солодилова И.А. Оценка: категория и концепт. К постановке проблемы

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

По справедливому замечанию Т.В. Маркеловой «ни один понятийный смысл не находит в языке такой разнообразной гаммы средств своего выражения, такого многообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактатов и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка» [Маркелова 1995: 67].

В большинстве предпринятых лингвистических исследований оценка рассматривается как языковая категория. При этом выделяются три основных подхода к значению оценочных предикатов: *семантический (денотативный)* [Арутюнова 1998.], *коммуникативный (прагматический, иллюкутивный)* [Телия 1996, Гак 1996] и *когнитивный*.

Семантические теории были заняты поиском десигната оценочных прилагательных и разрабатывали вопросы, связанные с человеческим поведением, а также анализировали такие концепты как «добро» и «худо», «долг», «воля» и «действие». Н.Д. Арутюнова рассматривает оценку как категорию логическую, применяя методы коммуникативного и логического анализа. Она определяет оценочное значение как нормативное, «обогащенное (или осложненное) телеологическим принципом (т.е. добро как то, к чему все стремится)»: *хорошее* значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознанное как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности; *плохое* значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров <...>. Если дескриптивные значения фиксируют отношение высказывания к действительному миру, то оценочные характеризуют отношения между действительным миром и его идеализированной моделью, сам факт наличия или отсутствия соответствия между этими мирами, отражение одного в другом [Арутюнова, 1998: 59].

В пришедших на смену семантическим (денотативным) прагматических концепциях смысловая специфика оценки стала объясняться через коммуникативные цели соответствующих речевых актов. Не вдаваясь в детальное описание исследований ученых стоящих на позициях коммуникативного (прагматического) направления, подчеркнем лишь, что коммуникативный анализ оценочных высказываний был разработан прежде

всего представителями английской школы (см. работы Дж. Серля, П. Ноуэлла-Смита, И. Стивенсона, Р. Хэара и др.).

На современном этапе развития лингвистики в рамках коммуникативного подхода к оценочному значению следует выделить два наиболее четко прослеживаемых направления: функционально-семантическое и функционально-прагматическое. Представители первого Е.М. Вольф [Вольф 1985], Т.В. Маркелова [Маркелова 1995, 1996, 1999] и др. ставят своей целью изучения систему разноуровневых средств языка, выполняющих оценочную функцию.

Сторонники функционально-прагматического направления (В.И. Шаховский, В.Г. Гак, В.Н. Телия и др.) связывают оценочную проблематику с коннотативным аспектом семантики языковых единиц и считают возможным говорить об «оценочной коннотации». По мнению Л.А. Новикова, оценка относится к прагматической части содержания знака и тем самым является одной из составляющих его (знака) содержания [Новиков 2001]. Более широкую трактовку категория оценки получила в работах Г.В. Колшанского, по мнению которого оценка присутствует в любом высказывании: «Оценка содержится <...> повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром. [Колшанский 1975: 142]. Этой точки зрения придерживаются С.С. Хидекель и Г.Г. Кошель, выделяющие три вида оценки: нейтральную, как точку отсчета, положительную и отрицательную и тем самым определяющие ее (оценку) обязательным компонентом структуры значения слова.

Не исключая принадлежности оценочности к функционально-семантическим категориям, какими, на наш взгляд, являются все категории, представляющиеся собой языковые универсалии, подчеркнем когнитивный характер данной категории. Он заключается в ментальном обобщении концептуальной сущности языкового представления оценки. Термин «функционально-семантическая категория», таким образом, подчеркивает деятельностную сторону, т.е. актуализацию в речи, в то время как термин «когнитивность» акцентирует внимание на обобщенно-типологизированном аспекте восприятия данного языкового явления.

Возникновение когнитивного подхода к изучению оценки было обусловлено «онтологическим пониманием оценки как универсума мышления и познания, главного ориентира человеческой деятельности, в том числе и речевой, дающей многомерные ответы на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо» в зависимости от сферы жизненных интересов и общественной практики <...>» [Маркелова 1996] – тем, что обозначается Т.А. ван Дейком как «когнитивный феномен оценки».

Как подчеркивается в коллективной монографии «Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории» под редакцией Ю.М. Малиновича, оценка относится к категориям антропоцентрическим по своему происхождению, «не могущим вообще быть вне мыслящего существа» [Малинович 2003: 42], к категориям понятийным. В работе Р.З. Мурясова, А.С. Самугуллиной, И.А. Федоровой указывается на целесообразность когнитивно-прагматического

подхода к толкованию оценки в целом. Характерной чертой данного направления изучения языковой оценки, по их мнению, является «совмещение теоретических положений, описывающих оценку как установление ценностного отношения (выраженного в языке) между субъектом и предметом и операций над структурными единицами языкового сознания, которые участвуют в формировании объективных и субъективных оценочных смыслов» [Мурясов Р.З. и др 2004: 68]. При этом под оценкой понимается «синтез восприятия и интерпретации ценностного, морально-этического и объективно-субъективного планов с позиций, говорящий – интерпретатор-наблюдатель – слушающий (там же).

Рассмотрение оценки в лингво-когнитивном аспекте как концепта, или макроконцепта, не противоречит уже имеющимся исследованиям оценки как языковой/понятийной категории. Здесь мы придерживаемся точки зрения С.Г. Шафикова, по мнению которого «и категории, и концепты суть ментальные структуры, единицы памяти и языка мышления, т.е. своеобразные кванты знания, которыми оперирует человек в процессе мышления, и которые «называются концептами или категориями в зависимости от точки зрения». [Шафиков 2006: 33, 15]. Различие определяется, прежде всего, наличием или отсутствием экстенционала и типом интенционала (целостная ментальная структура, состоящая из ограниченного набора сем, у концепта и расширенная структура сем как наиболее существенных, так и менее существенных у категории) (там же: 12-13). По мнению Н.Н. Болдырева, категория есть концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта. Более того, в основе формирования категории лежит определенный концепт, обуславливающий ее структуру и содержание. [Болдырев 2006: 6.]

Концептуальный статус оценки обосновывается в работе Л.А. Сергеевой [Сергеева 2003]. В то же время Л.М. Васильевым подчеркивается, что концепты, которые состоят только из категориальных компонентов типа оценка, модальность и т.п. не имеют образного содержания, являясь, по существу категориями. [Васильев 2004:15]. О.А. Кобрин ставит оценку в один ряд с такими категориями как модальность, эмотивность, эвиденциальность, приблизительность, персуазивность и отрицание и определяет их вслед за Н.Н. Болдыревым как модусные [Кобрин 2006: 91]. Как таковые они связаны по своей природе с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией и отражают интерпретативную модель мира [Болдырев 2006: 21].

Несмотря на признание абстрактного характера оценки как понятия, она, на наш взгляд, может мыслиться и как повседневная реальность и, следовательно, как понятийный концепт¹. Сложность рассмотрения концепта «оценка» связана с его двойственным характером, на что указывается А.С. Самугуллиной: с одной стороны оценка приближена к реальности и действительности (и здесь оценка выступает как культурологический концепт), с другой стороны в своих периферийных проявлениях она сокрыта в языке, закодирована в его структуре

¹ Концепт – квант знания, существующий в виде оперативной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга [КСКТ 1996: 90]

согласно некой внутренней логике, определяющей ее языковое существование [оценка как языковой концепт] [Самигуллина 2006: 65].

Оценка может мыслиться как супер- или макроконцепт. В этом случае ее изучение предполагает изучение структуры макроконцепта и выявление составляющих ее микроконцептов, по шкале «+», «-». Принципом отбора при этом может служить соответствие того или иного микроконцепта определенному речевому акту как способу выражения оценочного отношения субъекта к действительности и маркированному оценочным предикатом – глаголом, связанным с иллокутивной стороной РА: *упрекать, осуждать, одобрять, презирать, восхищаться и т. п.*

Описание структуры каждого из выявленных микроконцептов представляет следующую задачу исследования и связано с выявлением их сущностных, содержательных признаков, лежащих в основе формирования смысла концепта. Для решения данной задачи целесообразно использование структурной модели-схемы языкового концепта, предложенной А.С. Самигулиной в своем исследовании как результат объединения концепций Ю.С. Степанова (слоистая структура концепта: актуальный, пассивный признаки и внутренняя форма) и В.И. Карасика (ценностная, понятийная и образная составляющие) (Самигулина 2006:68). Сложность решения этой задачи связана с крайней динамичностью содержания названных концептов и неисчислимостью конкретных ситуаций, в которых содержание данного языкового концепта приобретает фиксированную форму.

Сегодня нет необходимости доказывать взаимозависимость языка и мышления, языка и культуры. Языковая картина мира того или иного народа, именуемая национальной картиной мира, содержит, как это доказано многими исследованиями, как общечеловеческие, универсальные концепты, так и концепты, присущие только данному народу. В этой связи принято говорить о «национально-культурной компоненте», выделяемой в структуре концепта и понимаемой в лингвистике как внутренняя форма языка (по В. Гумбольдту), как специфическая категоризация мира средствами определенного языка (гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа), как концентрированное выражение культурного контекста (в понимании Е.М. Верещагина и В. Г. Костомарова) как часть концептосферы языка (согласно Д.С. Лихачеву). Не смотря на то, что оценка как языковая категория является языковой универсалией, оценка как концепт получает статус культурологического, изучение которого в самом общем виде помогает установить, что такое хорошо и что такое плохо [Самигулина, 2006:65], и тем самым проникнуть в понимание ценностной картины мира народа. И в этом, на наш взгляд нет противоречия. Культурно-языковая специфика и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключающего противодействия. Они сосуществуют. Наличие культурно-языковых универсалий обусловлено, как известно, универсальным характером человеческого мышления, в то время как освоение окружающей реальности производится специфическим, присущим данной национально-культурной общности способом, что и оказывается закрепленным языковыми средствами.

Локализация культурологической компоненты, как отмечается в частности С.В. Ивановой, может определяться особенностями референта (культурные реалии), объемом понятия, означаемого лексической единицей, а так же осуществляться в рамках самого языкового знака [Иванова 2004: 47]. При этом культурологически маркированным может быть любой уровень значения слова.

Здесь, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что оценка может мыслиться как некая абстракция, некое суждение о чем-либо, но так же и как явление (процесс оценивания) и как культурная реалья (выносимая кем-то конкретная оценка – «четверка», «пятерка», «единица» - как ее символическое выражение). Сущность оценки, таким образом, может быть представлена через структуру фрейма. Как известно, фрейм как определенная ситуация может рисоваться человеку в виде некоторой последовательности действий, которая затем реализуется в качестве сценария [Шафиков, 2006:31].

В.З. Демьянов подчеркивает, что понятие фрейм «обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет» [Демьянов 1996:188]. Фрейм есть когнитивная структура, объединяющая значения в стереотической ситуации [Минский 1988: 23]. Концепт вырастает во фрейм, когда актуализируются связи и отношения данного концепта с другими соотносящимися с ним концептами [Иванова 2004:87]. Изучение фреймовой структуры суперконцепта «оценка» и ее микроконцептов в немецком языковом сознании, с необходимостью предполагаемое их сравнение с аналогичными структурами в других национальных картинах, например, русской, позволит выявить сущностные характеристики означенных концептов, их этнокультурную специфику.

При этом проблема состоит, прежде всего, в определении процедуры выявления фреймовой структуры, или составляющих фрейма. В лингвистической литературе структура фрейма представлена, в частности, набором следующих слотов: а) конститутивного, лежащего в основе денотативной составляющей значения; б) инферентного, связанного со всеми ассоциациями, относящимися к денотату; в) формального, отражающего категориальную принадлежность денотата и г) телического, отражающего действия, совершаемые объектом или над объектом [Зайнулина 2006: 63-64].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в работе «Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения» определяют ключевые понятия когнитивного моделирования концептов:

- национальная концептосфера – совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа;
- семантическое пространство языка – часть национальной концептосферы, обозначенная языковыми средствами, названная в языке и представленная семемами и семами [т.е. значениями и компонентами значений];
- актуализация концепта – включение концепта в мыслительную деятельность;

- репрезентация концепта – выражение концептов в языке и различных текстовых формах. [Попова, Стернин 2001].

Рассмотрение названных проблем в данном аспекте предполагает реализацию когнитивного подхода в рамках когнитивно-дискурсивной версии Е.С. Кубряковой, проявляющегося в следующих основных моментах: 1) синтезе идей собственно когнитивной парадигмы научного знания с идеями парадигмы коммуникативной; 2) преемственности перехода от такой ранней версии когнитивного подхода как ономазиологического направления отечественной лингвистики к более поздним стадиям развития когнитивизма; 3) разумного сочетания требований формальной строгости описания с функциональными объяснениями; 4) многофакторного анализа каждого изучаемого языкового явления по его роли как для осуществления познавательных процессов, так и процессов коммуникации [Кубрякова 2004: 41-56].

Список используемой литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1998.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания// Вопросы когнитивной лингвистики – 2006 № 2. – С. 5 – 22.
3. Васильев Л.М. О понятиях и терминах когнитивной лингвистики//Исследования по семантике. Уфа. РИО БашГУ, 2004, С. 10-18.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
5. Гак В.Г. Синтаксис эмоций и оценок// Оценка, экспрессивность, модальность. In memoiane Е.М. Вольф. – Москва: Институт языкознания РАН, 1996.
6. Зайнулина Л.М. Проблемы исследования метафорических и метонимических переносов в лексической и когнитивной семантике/ Языковые и речевые единицы в разных языках: Сб. науч. статей – Уфа: РИО БашГУ, 2006.- 363с.
7. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Уч. пособие. – Уфа:РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
8. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию// Вопросы когнитивной лингвистики – 2006 № 2. – С. 90-100.
9. Колшанский Г.В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975.
10. КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/Е.С. Кубрякова: Рос. Академия наук, Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С.560.

12. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь
13. Малинович Ю.М. и др. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. Коллективная монография под ред. и общ. науч. рук-вом Ю.М. Малиновича. – Москва – Иркутск, 2003.
14. Маркелова Т.В. Оценочные высказывания с предикатами «любить» и «нравиться»//Филологические науки. – 1999 № 3. – С. 76-84.
15. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке//Филологические науки. – 1996 № 1. – С. 80-89.
16. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке //Филологические науки. – 1995 № 3. – С. 67-79: 67.
17. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного// Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 281-309.
18. Мурясов Р.З., Саммигуллина А.С., Федорова А.Л. Опыт анализа оценочного высказывания//Вопросы языкознания – 2004, № 5.С.68-78.
19. Новиков Л.А. Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. – М.: Издательство РУНД, 2001. – 459 с.
20. Попова З.Д., Стернин И.А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения// Культура общения и ее формирование Вып.8. Воронеж, 2001.
21. Романова Т.В. Взаимосвязь категорий модальность – оценочность – эмоциональность в текстовой репрезентации (по материалам современной исповедальной прозы) //Вопросы когнитивной лингвистики, 2006, № 3 С.71-77.
24. Саммигуллина А.С. Семиотика концептов: К проблеме интерпретации субъективных смыслов: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С.120.
25. Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 140 с.
26. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной /эмоциональной оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е.М. Вольф. – Москва: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 31-38.
27. Шафиков С.Г. Любовь: категория или концепт?//Языковые и речевые единицы в разных языках: Сб. науч. ст. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С.3-36.
28. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации//Филологические науки. – 1998 № 2. – С. 59-65.
29. Шаховский В.И. Общие вопросы лингвистической теории эмоций//Язык эмоций: Сборник научных трактатов/ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1995. – С.8-15.
30. Searle J. Speech acts. An essay in the philosophy of language. – Cambridge [Mass].

Захарова Т.В. Семантико-грамматическая характеристика морфологических средств выражения концепта сравнения в немецком языке

Оренбургский государственный университет

Язык - феномен культуры. Именно в языке находит свое отражение культура, и через него она передается от поколения к поколению. В процессе межкультурного общения познание направлено на восприятие ментальности другой нации. Сопоставительное изучение культур становится возможным через рассмотрение национальных ценностей в определенном контексте. Поиски единицы межкультурной коммуникации за последние десятилетия привели к утверждению теории концепта. Лингвистика вырабатывает свои подходы к изучению и описанию концептов.

Не смотря на широкий круг лингвистов, изучающих концепт как понятие современной лингвистики до сегодняшнего времени термин «концепт» не имеет установившегося в науке содержания. Одни исследователи, исходя из этимологии слова концепт – лат. *conceptus*, понимают его как эквивалент термину «понятие» (Ю.С. Степанов в ЛЭС), другие считают, что это «содержание понятия» (его смысл). Третьи дают более широкое определение концепта, подчеркивая его ментальный характер, связь с картиной мира, охватываемость им совокупности всех знаний о данном объекте.

Полагая, что вопрос определения количества концептов является субъективным, ряд концептов в языковой картине мира не бесконечен, мы убеждены, что этот ряд концептов не может быть ограничен определенным количеством ключевых концептов. Поэтому, мы считаем возможным включить концепт «сравнение» в круг исследуемых концептов.

Концепт сравнения начинает формироваться у человека в раннем возрасте. Точнее, концепт это первое, что зарождается в человеческом сознании, ведь сравнение является одной из наиболее частых мыслительных операций, осуществляемых человеком. Уже у младенца формируется «первичное концептуальное представление окружающей действительности», так как ребенок, соотнося и сравнивая звучащие вокруг него слова и выражения с предметами, фрагментами действительности при непосредственном чувственном освоении мира, создает собственное видение мира. Человек имеет элементарную потребность мерить себя по другим или сравнивать себя с кем-либо другим, то есть определять степень *совпадения или различия* в рамках определенных признаков, равенство или различие. Вся жизнь человека проходит в сравнении. Все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение.

Очень часто исследователи, говоря о вербальных средствах выражения концепта сравнения, имеют дело, как правило, с лексикой и фразеологией. Концептосфера того или иного языка неоднородна, как негомогенны ее компоненты. Поля некоторых из составляющих концептосферу того или иного

языка компонентов пересекаются с качественно другими полями (функционально семантическими). К такого рода концептам и относится концепт «сравнение», соотносящийся с функционально-семантическим полем сравнения.

Функционально- семантическое поле сравнения немецкого языка образуется на вертикальной оси из конститuentов разных уровней:

- **Морфологический уровень** – степени сравнения.

Ich merkte, dass ich einen Schimpfer hoher Klasse hatte.- Я понял, что передо мной ругатель высокого класса. (Remarque, «Drei Kameraden»)

Der Schuttmacher war einen Kopf höher. – Сапожник был на голову выше (Heinrich Mann «Professor Unrat»).

- **Синтаксический уровень** – группы сравнения и сложноподчиненные предложения:

1. реального сравнения для выражения неравенства (союзы als, als daß);

Der Konsul schlug die, Blätter auf, die stärker und rauher waren, als das Papier, das er selbst hineingeheftet und die schon zu vergilben begannen.- Консул перевернул листки, более грубые и плотные, чем те, которые он сам подшил в тетрадь, и уже начинавшие покрываться желтизной (Thomas Mann «Buddenbrooks»).

1. пропорционального сравнения (двойные союзы je...desto, je...um so, je...je);

Ich kannte das Mädchen ja überhaupt nicht, und je länger ich es ansah, um so fremder erschien es mir.-Ведь я вообще не знал эту девушку, и, чем дольше глядел на нее, тем более чуждой она мне казалась. (Remarque, «Drei Kameraden»)

1. реального сравнения для выражения равенства (союз wie);

Sie schrie wie ein keifendes neidisches Weib - Она кричала, как сварливая, завистливая старуха. (Remarque, «Drei Kameraden»)

1. ирреального сравнения для выражения квазиравенства (мнимого равенства) (союзы als, als ob, als wenn, wie wenn).

«Na?» sagte ich und tat, als ob ich das Glas zurückziehen wollte.- «Ну и», - сказал я и сделал так, как будто хотел забрать свой стакан. (Remarque, «Drei Kameraden»)

- **Лексический уровень** – сложные прилагательные.

Der Verurteilte trollte sich am Katheder vorbei, in das Gelaß, dass der Klasse als Garderobe diente und worin es stockfinster war.- (Heinrich Mann «Professor Unrat»)

По горизонтали функционально- семантическое поле сравнения подразделяется на два микрополя: **микрополе неравенства** и **микрополе равенства**. Доминантой компаративного поля являются степени сравнения прилагательных, которые функционируют в обоих полях. Связь степеней сравнения с лексикой проявляется, прежде всего, в зависимости от образования степеней сравнения от лексического значения прилагательного, от способности качества, выражаемого прилагательным, выявлять разные степени.

Таким образом, мы можем утверждать, что вербальными средствами выражения концепта сравнения могут являться не только лексические и

фразеологические, но грамматические средства.

Степени сравнения прилагательных являются морфологическими средствами выражения концепта сравнения. Именно поэтому, нам бы хотелось рассмотреть вопрос о семантико-грамматических характеристиках прилагательных.

Проанализировав работы немецких лингвистов, мы пришли к выводу, что прилагательные подразделяются на две основные группы: качественные (*qualitative, absolute*) и относительные (*relative*) прилагательные. Но под этими понятиями (особенно под понятием «относительные прилагательные») не всегда понимают одно и то же. Основанием для различных точек зрения послужили семантические и грамматические характеристики.

С синтаксической точки зрения относительными признаются двухвалентные прилагательные типа *gleich, ähnlich*, так как они устанавливают реляции к двум существительным; абсолютные имена прилагательные одновалентные, они требуют только одно существительное – носителя признака (О. Бехагель).

С этимологических позиций относительными называются те имена прилагательные, которые образованы от отличных от прилагательных частей речи. Такие прилагательные противопоставляются корневым и изучаются в разделе словообразования (Admoni 1986:146-147).

Более распространена семантическая точка зрения (Е.И. Шендельс), в соответствии с которой относительными считаются те имена прилагательные, которые обозначают качество, не присущее данному предмету, а устанавливающее семантическое отношение, связь с предметом, определяемым прилагательным и другим предметом, обозначенным морфологической основой имени прилагательного. Например, *seiden, irdisch, historisch, heutig* обозначают принадлежность или происхождение, отношение к какой-либо науке, доктрине, временные или пространственные отношения. „Es findet also immer ein Verhältnis, eine „Relation“ statt, die aus dem Bereich des Dinges hinausführt, das vom Adjektiv bestimmt wird“ (Admoni 1986:145).

Грамматически важны только два вида относительности: семантическая и синтаксическая. Этимологическая относительность принадлежит словообразованию. Семантико-относительные прилагательные в немецком языке в отличие от русского языка не очень распространены. Семантико-относительные прилагательные в русском языке относятся к важнейшим средствам, которые выражают общие отношения между явлениями в форме атрибутивных отношений.

В немецком языке таким прилагательным синонимичны следующие конструкции: генетивное определение, предложное определение и сложное слово. Многие грамматисты и стилисты рассматривают этот класс прилагательных как нечто чуждое для языка и хотят искоренить употребление таких форм как *chemische Briefe* (früher auch *französischer Unterricht* usw.). Но употребление таких форм известно с давних пор и в

последнее время все больше увеличивается (Адмони, 1986:146-147).

Семантическая классификация другого вида предложена Х. Бринкманном, в которой он пытается обратить внимание, как на содержательный, так и на словообразовательный факторы. Он делит прилагательные на две большие группы, в классификации которые соответствуют абсолютным и относительным прилагательным Отто Бехагеля. Первую группу, которую он никак особенно не называет, составляют: **ориентировочные прилагательные** (Orientierungswörter): *jenseitig, französisch, seiden*; **выразительные прилагательные** (Eindruckswörter): *goldig, anduchtig, farbig, anständig, zulässig*; **качественные слова** (Eigenschaftswörter): *hartherzig, eingleisig, gescheit, entriistet, verwaist*; **прилагательные, обозначающие способы действия / поведения** (Eignungswörter): *gehorsam, fahrbar, verstaridlich, bedeutend*; **слова, выражающие отношение к чему-либо** (Verhaltenswörter): *gutlich, ritterlich, dientslich, absichtlich*; **оценочные прилагательные** (Wertwörter): *teuflich, schelmisch, schupferisch*.

Относительные прилагательные он называет открытыми прилагательными, так как „sie sich kasusbestimmten substantivischen Begriffen und Pronomina öffnen“ (Schmidt 1966:186). В эту группу он объединяет прилагательные, которые имеют при себе определения в винительном (*zehn Mark wert; fünf Meter breit*), дательном (*Das ist mir lieb.*) и родительном падежах (*des Diebstahls schuldig*).

Деление прилагательных на качественные и относительные, по мнению М. Д. Степановой, переплетаются с их делением на простые и производные, то есть с делением, основанном на словообразовательном признаке. М.Д. Степанова утверждает, что „все относительные прилагательные образованы от какой-либо другой части речи, то есть являются производными, а качественные прилагательные могут быть как простыми, так и производными от других качественных прилагательных, например, *gelb-lich, röt-lich*“ (Степанова 1984:202-203).

Грамматика Дудена также подразделяет прилагательные на качественные и относительные, кроме того, она выделяет в своей классификации количественные прилагательные и причастия, употребляемые как прилагательные. Это связано с тем, что грамматика Дуден, а также Немецкая грамматика Г. Хельбига и Й.Буша в класс адъектива включают не только прилагательные, но также и порядковые и количественные числительные, а также числительные типа *zweierlei, dreierlei*, называющие количество видов лиц или предметов, умножительные числительные (*zweimäßig, dreimalig*), слова типа *zweifach*, разделительные: *erstens, zweitens*, дробные числительные *ein Viertel*.

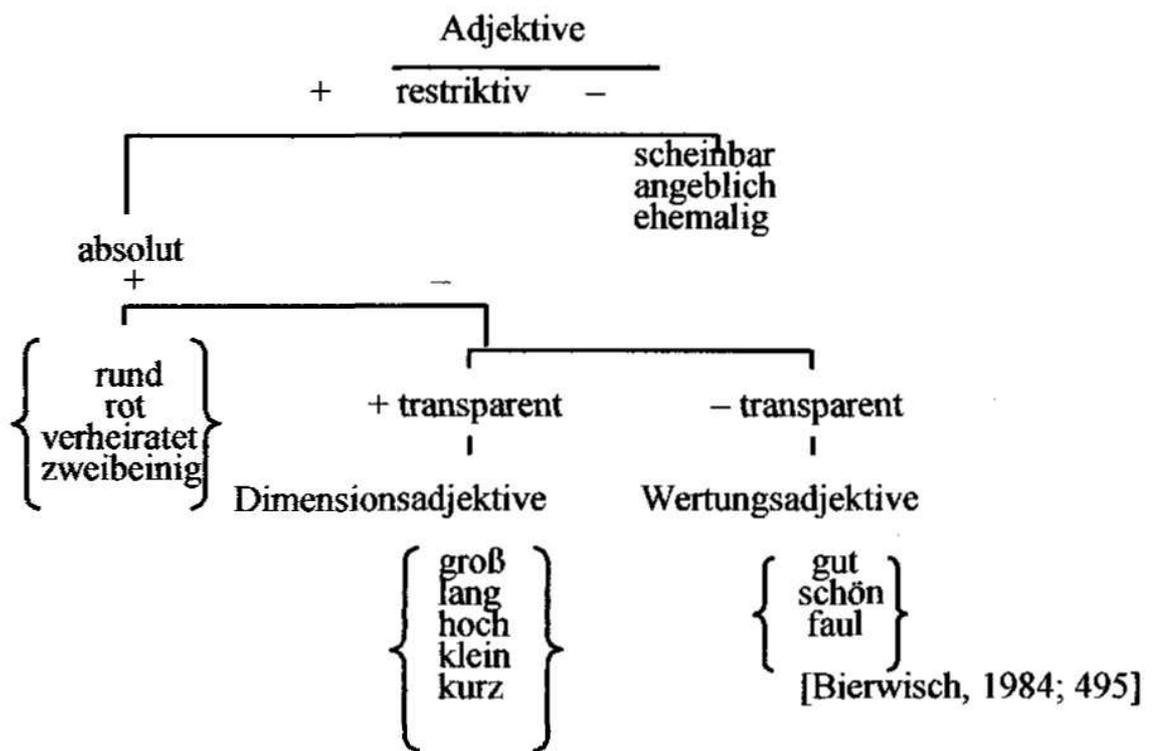
Г. Хельбиг и Й.Буша полагают: “К классу прилагательных относятся все слова, которые можно вставить в одну из следующих или в две рамки:1) *der ... Mann* и 2) *Der Mann ist...*“ (Helbig/Buscha 2001:280). Ссылаясь на лексико-семантические отношения, они также

дифференцируют прилагательные на качественные и относительные и дают следующие определения: “Die qualitativen Adjektive drücken die Merkmale (Eigenschaften) eines Objekts der Realität direkt durch die eigentliche Bedeutung aus. Die relativen Adjektive drücken das Merkmal (Eigenschaft) eines Objekts der Realität durch dessen Beziehung zu einem anderen Objekt bzw. Realitätsfaktor wie Raum, Zeit usw.“ (Helbig/Buscha 2001:281).

Особый интерес на наш взгляд представляет классификация М. Бирвиша.

М.Бирвиш предлагает свою классификацию имён прилагательных, в основе которой лежат типы градуирования (Bierwisch 1984:495), и которая может быть наиболее приемлемой, поскольку очерчивает круг имён прилагательных, образующих в своём прямом значении степени сравнения. М.Бирвиш делит имена прилагательные на **рестриктивные** и **нерестриктивные**. Рестриктивные прилагательные ограничивают определённые параметры или качества, присущие предмету, они как бы «очерчивают» границы предмета, например: *ein runder Tisch, eine verheiratete Frau, eine gute Schule, laute Musik*. Нерестриктивные прилагательные не специфицируют дополнительные условия сочетающегося с ним слова, они «прекращают его действительность»: *eine ehemalige Schule ist keine Schule mehr; ein scheinbarer Erfolg ist kein Erfolg*. Рестриктивные прилагательные делятся, в свою очередь, на **абсолютные** и **релятивные**. Интерпретация релятивных прилагательных всегда зависит от класса слов, с которыми они соотносятся. Интерпретация абсолютных прилагательных от этого не зависит: „*ein großer Käfer ist ein kleines Tier*“; „*ein guter Klavierspieler kann ein schlechter Orchestermusiker sein*“, но: „*eine verheiratete Mutter*“ является замужней женщиной / замужней налогоплательщицей.

Релятивные прилагательные могут быть **транспарентными** (прозрачными, легко понятными) и **нетранспарентными**. У транспарентных прилагательных градуирование распространяется на размер, масштаб. К ним относятся **размерные** прилагательные. У нетранспарентных прилагательных градуируется степень проявления признака. К ним относятся **оценочные прилагательные**. Схематично это выглядит так:

Рассмотрев различные классификации нельзя не согласиться с Вильгельмом Шмидтом, который по праву указывает на то, что до сегодняшнего времени не найдена удовлетворяющая схема разделения прилагательных: “Едва ли возможна целостная классификация прилагательных, так как речь идет о различных аспектах грамматической характеристики прилагательного“ (Schmidt 1966:185).

Литература:

1. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. -184 с.
2. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка./ М.Д. Степанова. - М., 1984. – 375 с.
3. Язык, сознание, коммуникация.: Сб. статей – М.: МАКС Пресс, 2005. - Вып. 30 – 260 с.
4. Admoni, W. Der deutsche Sprachbau.- München: Verlag C.H.Beck, 1986.- 340S
5. Bierwisch, M. Dimensionsadjektive: Semantische Struktur und begriffliche Interpretation // Zeitschrift für Phonetik und Kommunikationsforschung 37,- Berlin: Akademie -Verlag, 1984,-S. 490-512, S. 664-686.
6. Duden, Die Grammatik. Band 4/hrsg. Von der Dudenredaktion. – 7., völlig neu erarbeitete und erweiterte Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag,2006. – 1343 S.
7. Helbig, G. Buscha, J. Deutsche Grammatik Ein Handbuch für den Ausländerunterricht - Berlin und München : Langenscheidt KG, 2001. - 654 S.
8. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprache – Volk und Wissen Volkseigener Verlag, Berlin, 1966 – 322 s.

Иноземцева Н.В. Заголовок как информационный аттрактор

(на материале заглавий англоязычных публикаций по методике обучения английскому языку)

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Заголовок – это текстовый знак, являющийся его обязательной частью и имеющий в нем фиксированное положение. Это, бесспорно, сильная позиция любого текста (или даже «самая сильная» [Кожина 1986, с. 3]).

Специфика заголовка, однако, не исчерпывается совмещением функций знака первого и знака последнего. Несмотря на свою неразрывную связь с текстом заголовок традиционно отчужден от него: обычно он печатается другим шрифтом, отстоит от первого абзаца на более или менее значительном расстоянии, разрешает включение в этот промежуток дополнительных сведений: указания на жанр, эпиграф, посвящения, предисловие, выражение авторской признательности и т.п. В широком читательском и профессионально – филологическом употреблении заглавие функционирует отдельно от текста, как его полномочный представитель, как предельно сжатая свертка целого текста. Раскрытие этой свертки носит сугубо индивидуальный характер, и начинается оно с ожидания знакомства с текстом, с формирования установки на чтение данного текста, с периода, который можно условно назвать предтекстовым.

В качестве объекта нашего исследования были выбраны названия англоязычных публикаций по методике обучения английскому языку, размещенные в специализированных журналах и Интернет – форумах по проблемам обучения английскому языку.

На начальном этапе исследования были проанализированы номинативные комплексы, представленные англоязычными заглавиями публикаций по указанной проблематике. Общий объем корпуса выборки включает 670 названий.

В ходе проведенного исследования было обнаружено, что некоторые номинативные комплексы, используемые авторами в качестве названий статей методического содержания, понимаются читателями в буквальном режиме. Например, название статьи « *Whole Or Hole*» (by Jane Arnold, Seville; *Humanising Language Teaching, March, 2003*) на начальном этапе знакомства с заглавием может ориентировать читателя на проблематику омонимии, поскольку языковые единицы “whole“ и “hole” трактуются в современном английском языке, как омонимичные. Однако после прочтения статьи, “hole” воспринимается как знак с гораздо более сложной семантикой, чем при первом восприятии заглавия и этот знак расценивается как мотивируется содержанием текста. Если до знакомства с текстом он не столько сообщал информацию об

этом тексте, сколько указывал на него (катафорически), то теперь, наоборот, заголовок не столько указывает на текст (анафорически), сколько в концентрированном виде сообщает информацию о его содержании. Примечательно, что в такой позиции условный знак может приобрести свойства иконического. Теперь читатель ясно понимает, что данная статья посвящена эффективным методам и средствам обучения английскому языку, которые, несомненно, окажутся полезными для преподавателя, поскольку значительно облегчают запоминание и способствуют адекватному применению освоенного в процессе обучения материала в коммуникативной практике. Как известно, при восприятии огромного количества нового, часть, а иногда практически все «полученное» утрачиваются, поэтому следует знать, каким образом следует организовывать подачу материала, закреплять и применять его в дальнейшем во избежание его «исчезновения» и образования «ямы» в полученных знаниях.

«Перед» текстом заголовок в функции условного знака лишь «намекает» на содержание текста (ведь речь по большому счету пойдет не о яме или дыре), тогда как индексальная функция заголовка указывает на текст как на физическое тело (ведь получатель еще не знает о содержании текста, видя лишь совокупность графических знаков). «После» текста, когда имеется уже версия его цельности, заголовок сообщает своим преобразованным значением о содержании текста, указывая также на содержание, а не на физическую субстанцию текста. Таким образом, в обоих случаях заголовок – метатекстовый знак, но с различными референтами. По-видимому именно этими обстоятельствами обусловлено предпочтение некоторых авторов давать окончательные названия своим текстам по завершении работы над ними.

Разумеется, заголовок «до» и «после» цельности – это две крайние позиции данного текстового знака. Заголовок может быть неоднократно повторен в тексте, выполняя функцию связности. Важно подчеркнуть, что повторы заголовка в начале текста имеют, как правило, тематический характер, а в конце – рематический. Кроме того, повторяясь в тексте и, возможно, варьируясь в этих своих повторах, заголовок участвует в процессах не только когезии, но макросвязности и цельности. С позиции получателя он активен относительно своего текста – обозначает в читательской проекции то, что создается при его участии. Происходит как бы самоорганизация, самописание целого текста в диалоге между заголовком и его текстом-референтом, что предполагает возможность толкования этих номинативных комплексов в терминах лингвосинергетики.

Exams as a Source of Anxiety in TEYL
(by Michela Gronchi, «*The International TEYL Journal*», 2007).

FROM THE ARTICLE: Although final *exams* may be considered objective assessment tools, they

have drawbacks for children. Young learners experience frustration and *anxiety* when moving from a stress-free atmosphere with no *exams to an anxiety-provoking exam* context. Teachers's problem is " *Exam as a Source of Anxiety*", and they try to find solutions to this point....

Reading Strategies Program in Rural Malaysia
(by Alison Lyall, «*The International TEYL Journal*», 2007).

ABSTRACT FROM THE ARTICLE : In rural Malaysia, both the absence of a reading culture and teachers' lack of knowledge about approaches to teaching reading have resulted in high levels of illiteracy. This study describes the impact of a *reading strategies program* implemented in four primary schools in terms of student increase in motivation and confidence.

Язык заголовков анализируемых публикаций отличается от обычного языка, что обусловлено спектром задач, которые решаются автором в опубликованной работе. Основные задачи заголовков таких публикаций могут быть сформулированы следующим образом:

- сжато сообщить основное содержание помещенного материала;
- заинтересовать читателя;
- оказать на него определенное эмоциональное воздействие.

Эти три задачи могут решаться, по существу, только языковыми средствами, включая лингвистические компоненты заголовков, предваряющих тексты англоязычных публикаций по методической проблематике. Итак, являясь частью текста, заголовок выполняет свои особые функции: обозначая статью, выделяет ее среди других; тесно связан с содержанием материала; выражает его основную мысль; привлекает внимание читателя, заинтересовывает его и оказывает на него воздействие, внушая ему основную авторскую концепцию и формируя мнение читателя в заданном направлении. В заголовках часто содержится оценка фактов, о которых сообщается в статье.

Таким образом, можно выделить следующие функции заголовков статей:

- номинативная функция – заголовок обозначает публикацию, тем самым он отделяет одно сообщение от другого:
- информативная функция состоит в том, чтобы сжато сообщить основное содержание помещенного материала, выделить его главную мысль;
- рекламная функция заключается в привлечении внимания и интереса читателя;
- функция эмоционального воздействия, посредством которой автор внушает читателю основной вывод статьи;
- функция убеждения – заголовок влияет на формирование у читателя определенного мнения по поводу материала, помещенного в статье до и после ее прочтения.

Для обеспечения заголовком вышеназванных функций авторы используют ряд стилистических приемов и средств, оказывающих значительное влияние на восприятие читателем сути заголовка, отражающего основной смысл статьи, и формирующих заинтересованность читателя ее материалом. Так, значительное количество заголовков выражает тему текста, которая входит в состав его основной мысли. Это тезис, раскрывающийся системой тезисов, составляющих текст. Основная мысль включает тему

публикации и ее предикат. Одно из главных назначений заголовка – сообщить читателю о теме публикации, которую ему предлагает журнал. В процессе чтения статьи информация, заложенная в заголовке, уточняется, конкретизируется. Процесс восприятия прямой – от заголовка к тексту. Экспрессия в заголовках такого рода практически отсутствует.

Как знак заголовков проявляет семантическую и семиотическую нестабильность:

– принадлежит тексту и предназначен к функционированию вне текста (Н. А. Веселова);

– представляет текст и одновременно замыкает его;

– по своему содержанию «стремится к тексту как к пределу, а по форме – к слову» (Н. А. Фатеева);

– проспективно выполняет по отношению к целому тексту тематическую функцию (номинация), ретроспективно – рематическую (предикация) (И. Р. Гальперин);

– именуется текст, отсылая к нему, и вместе с тем является семантической сверткой всего текста (С. Кржижановский) и т. д.

Эти и другие свойства заголовка реализуются при выполнении им многочисленных функций. Именно эта полифункциональность англоязычных заголовочных комплексов предопределяет уточнение их функционального потенциала. Этот вопрос становится более актуальным в связи с тем, что достаточно обоснованное определение понятия "заглавие" возможно только на основе полной классификации его функций, что затрудняется отсутствием четких дефиниций. Лингвисты не дают четкого определения функций заглавия [1, 2], иногда смешивают функции со средствами их выражения [10] или объединяют в одну несколько разных функций [9].

В.П. Вомперский выделяет у заглавия следующие четыре функции: коммуникативную, аппелятивную (или воздействующую), экспрессивную, графически-выделительную. «Во-первых, заголовку свойственна коммуникативная функция, так как заголовок служит для выражения сообщения о предмете речи. Во-вторых, для заголовка характерна аппелятивная (или воздействующая) функция, связанная с непосредственным обращением к читателю, так как заголовок не только информирует читателя о содержании

предмета речи, но и воздействует определенным образом на читателя, вырабатывая у него соответствующее социальное отношение к содержанию сообщения. В-третьих, заголовку присуща экспрессивная функция, которая характеризует личность пишущего. Наконец, в-четвертых, заголовок обладает графически-выделительной функцией, заключающейся в отграничении одного материала от другого... » [1, с. 84].

А.С. Попов считает, что каждому заглавию "присущи три основные функции: 1) номинативная, 2) информационная, 3) рекламная". Автор подробно анализирует каждую из функций. Причем, информативную функцию А.С. Попов рассматривает шире, чем другие авторы: «В объеме информативной функции заглавий мы включаем также директивность и эмоциональность заглавий, т.е. волевое и эмоциональное воздействие, которое оказывают заглавия на слушателя-читателя» [9, с. 96].

В нашем исследовании при рассмотрении названий англоязычных статей по методической проблематике, информационная функция является ведущей среди всех остальных изученных. Во-первых, следует заметить, что отбор лингвистических средств исследованных заглавий статей крайне отличается от названий других текстов. Информационная функция текста статьи подразумевает наличие конкретных, практически лишенных эмоциональной окраски средств выражения, что значительно облегчает восприятие читателем «корпуса» текста и непосредственно заглавия. Читатель сразу же пытается понять из заглавия содержание данной статьи и решить, нужно ли ему обращаться к этой публикации или вовсе не следует тратить драгоценное время. Очевидно, что данный материал (названия англоязычных методических публикаций и сами публикации) обращен к определенному узкому кругу аудитории: преподавателям английского языка, в связи с тем, что размещенная информация касается, прежде всего, методики обучения, то есть, как обучить лексике, грамматике, письму, чтению и т.д. с помощью различных средств и способов.

Passive Grammar: We've Got It Let's Use It! (by Michaela Borova and Bryan Murphy, "English For Specific Purposes, 2007").

The Effectiveness of Learning Vocabulary Through Games. (by Nguyen Thi Thanh Huyen Khuat Thi Thu Nga, "The International TEYL Journal, 2007").

На наш взгляд, рекламная функция заглавий рассматриваемых статей не фиксируется в нашем материале, что объясняется прежде всего тем, что данный материал, во-первых, направлен, как было отмечено выше, на определенный круг «потребителей», во-вторых, названия текстов практически лишены эмоциональной окраски, поскольку основная задача заглавия и статьи – информировать, обеспечить читателя наибольшим количеством информации, необходимой для улучшения результатов обучения английскому языку, для профессионального успеха. Цель данных изданий – не распространение и продажа товара или услуг, не привлечение внимания (как в случае с

учебниками по обучению английскому языку, где названия пособий выполняют рекламную функцию), а ознакомление с изложенным материалом, обогащение педагогического опыта преподавателя. Поэтому и названия рассматриваемых англоязычных статей значительно отличаются по структуре от заглавий англоязычных учебных пособий, в состав которых входит слово или словосочетание, крайне редко предложение. Заглавия англоязычных статей по обучению английскому языку включают простые, чаще сложно-подчиненные предложения, что свидетельствует о насыщенной информативной функции таких заглавий.

Полифункциональность анализируемых заглавий объясняется тем, что в них находят отражение практически все языковые категории. Рассмотрим их реализацию на примерах англоязычных статей по методической проблематике.

1. Категория информативности проявляется в номинативной функции заголовка. Заголовок называет текст по одному из его признаков – теме (“**Anxiety**”: “*The International TEYL Journal: Research and Review Articles on Teaching English*”, 2007, by Adam Chee W.S.).

2. Категория модальности проявляется в заголовке эксплицитно – через использование эмоционально-оценочных слов в их прямых значениях либо через ретроспективное переосмысление оценки (“**The Respectful Teacher**”: Nate online articles: *articles from the internet*, Jun. 6, 2006).

3. Категория завершенности находит свое отражение в разграничительной функции заголовка, который отделяет один завершенный текст от другого.

4. В заголовке может актуализироваться и категория связности. Происходит это в основном за счет повтора заглавных слов в тексте. Заданное в заголовке слово «пронизывает» весь текст, связывает его. При этом с самим словом неизбежно происходят семантические изменения, ведущие к образованию индивидуально-художественного значения. Осознание этого значения читателем происходит ретроспективно, при возвращении к заголовку, после завершения прочтения текста, в отличие от газетного принципа «ключевая информация в начале» (как правило, в заголовке). Заглавие текста, с которого началось чтение, оказывается рамочным знаком, требующим возвращения к себе. Этим оно еще раз связывает конец и начало, то есть непосредственно участвует в актуализации не только категории связности, но и категории ретроспекции, которая формулирует читательское ожидание и является основополагающей в принятии решения читать заявленный в заглавии текст или нет.

Naturally Curious: Bringing New "Intelligence" to TEYL
(by Gregory Quinlivan, «*The International TEYL Journal*», 2007).

FROM THE ARTICLE : "Urban-dwelling children today spend much of their holidays in air-conditioned malls or playing organised sports or computer games, and have little chance to become acquainted with nature (Hoerr, 1997). Therefore it is important to develop their '**naturalist intelligence**' (NI) and help them to make sense of the world of plants and animals. Those who teach English to children should be acutely aware of this and consider modifying their current pedagogical practices to incorporate this '**eighth intelligence**'."

(by Carol Fedyk, «*The International TEYL Journal*», 2007).

FROM THE ARTICLE :

"An interesting paper which explores the use of **reading** aloud for learning ESL. The paper also covers other types of reading and the benefit of **reading to a child's L2 acquisition** skills.

Задачи заглавия как первого знака названия статьи: привлечь внимание читателя, установить контакт с ним, направить его ожидание – прогноз. Все это выполнить чрезвычайно сложно, особенно если учесть многозначность лексических единиц, входящих в состав заглавий статей и лишенных в своей изолированной позиции необходимого контекста для снятия полисемии. Несмотря на свою довольно краткую форму и изолированное положение по отношению ко всему тексту заглавие играет очень важную роль, являясь средством выражения концепта данного текста.

В.С. Мужев подробно анализирует каждую из функций и приходит к выводу, что все функции заглавия взаимосвязаны и между ними наблюдается взаимодействие. Преобладание одной функции влечет уменьшение роли другой или даже ее отсутствие. В.С. Мужев отмечает зависимость наличия и степени важности этих функций в заглавии от стиля речи и вида публикации: «Рассмотренные нами функций заголовка взаимосвязаны. Между ними наблюдается борьба и взаимодействие. Каждая из них по-разному влияет на форму заголовка, по-разному выражена в нем. Преобладание одной функции влечет уменьшение роли другой или даже ее отсутствие. Наличие и относительная важность этих функций в заголовке в разной степени зависят от стиля речи и вида публикации. Заголовок может выражать любую совокупность функций: от всех 5 до 1» [7, с. 91]. К аналогичным выводам приходят Л.А. Ноздрина [8] и Э.И. Турчинская [11, 12].

В.А. Кухаренко объясняет многофункциональность заглавия тем, что оно выступает актуализатором практически всех текстовых категорий, и выделяет функции в зависимости от актуализации тех или иных категорий текста. Категория информативности проявляется в ономаσιологической, означающей, номинативной функции заглавия: объект (текст) называется по одному из его признаков – теме. Категория модальности проявляется в экспрессивно-оценочной функции; категория завершенности – в делимитативной функции; категория связности реализуется в повторе заглавных слов в тексте, которые связывают конец и начало текста и тем самым актуализируют и категорию ретроспекции. Категория проспекции проявляется в ориентирующей функции, а категория прагматичности – в рекламной и контактоустанавливающей функциях заглавия. Функции, реализующие категории связности, проспекции и ретроспекции, соотносимы с организующей функцией [6].

С нашей точки зрения, основной функцией заглавия анализируемых публикаций по методической проблематике является информативная функция, что объясняется, во-первых, структурой самих названий, большинство из которых состоят из нескольких простых предложений или из одного сложноподчиненного, а во-вторых, направленностью рассмотренных статей на определенную аудиторию, которая заинтересована только в наличии

необходимой, полезной информации, а не в красочности и яркости изданий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вомперский В.А. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публицистики (проблемы теории и мастерства): Тез. докл. на республикан. науч. конф.- семинаре. Алма-Ата, 1966. С. 82-85.

2. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец.№ 2103 "Иностр. яз." М., 1983. 192 с.

3. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М., 1988. С. 167-183.

4. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология: (на материале русской прозы XIX-XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 22 с.

5. Костомаров В.Г. Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М., 1965. Вып. 3. С. 162-185.

6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л., 1979. 319 с. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1970. Вып. 55. Вопросы романо-германской филологии. С. 86-94.

7. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1970. Вып. 55. Вопросы романо-германской филологии. С. 86-94.

8. Ноздрин Л.А. Заглавие текста // Грамматика и смысловые категории текста: Сб. науч. тр. им. М. Тореца. М., 1982. Вып. 189. С. 183-200. 142

9. Попов А.С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С. 95-126.

10. Суворов С.П. Особенности стиля газетных заголовков (По материалам "Daily Worker") // Язык и стиль. М., 1965. С. 179-195.

11. Турчинская Э.И. Соотношение заголовка и текста в газетно-публицистическом стиле: (На примерах заголовков передовых статей газеты "Юманите") // Лингвистика текста и лексикология. Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1984. Вып. 234. С. 134-146.

12. Турчинская Э.И. Заголовок как особый тип высказывания // Структурно-семантические единицы текста (на сопоставительной основе французского и русского языков): Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1986. Вып. 267. С. 97-116.

13. Хазагеров Т.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам "Комсомольской правды"): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1984. 24 с.

Список источников выборки:

1. Journal “Humanising Language Teaching”, March, 2003.
2. Nate online articles: articles from the internet, (Jun. 6, Jun. 21, 2006).
3. Journal “The International TEYL Journal”, 2007.
4. Journal “English For Specific Purposes”, 2007.
5. Journal “ Teaching English with Technology”, 1998, May, 2001(Vol.1,3).

Лаштабова Н.В. Готический романс (к истории вопроса)

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Готический роман, «черный роман», наполненный таинственными приключениями, мистикой, возник как реакция на миропонимание и эстетику европейского Просвещения. Свое определение жанр получил в связи с особым интересом его авторов к готике Средневековья, то есть к представлению о мире как арене извечной борьбы Добра и Зла, небесного и inferнального, Бога и дьявола, а также в связи с обращением к условно-готическому обрамлению действия, которое, как правило, разворачивается в средневековых замках, монастырях, подземельях, что придает произведениям мрачный и загадочный, даже зловещий колорит. Жизнь в готическом романе, или, как его называли, «романе ужасов», предстает не разумно постижимой, а таинственной, полной роковых загадок. В судьбы людей вмешиваются неведомые, зачастую сверхъестественные силы.

Готический роман имеет четкую хронологию и историю. Зародился он в 1764 г. в Англии стараниями Г. Уолпола, который не только написал готическую повесть «Замок Отранто», но и превратил свой помещичий дом в готический замок с часовней, круглой башней, готической галереей, столовой, построенной по образцу монастырской трапезной, винтовыми лестницами, старинной мебелью и средневековым оружием, собранным в «рыцарском зале». В.М. Жирмунский в статье «Английский предромантизм» пишет, что иллюстрированное описание этого замка, впоследствии изданное Уолполом и вошедшее в собрание его сочинений, немало способствовало распространению вкуса к готической архитектуре [3;153].

Дело автора «Замка Отранто» продолжили А. Радклифф, Ш. Смит, М. Льюис, Ч.Р. Мэтьюрин, М. Шелли и Б. Стокер. В жанре готики работали и многие знаменитые писатели: Байрон, Готорн, Гофман, Гюго, Мериме, Уайльд и др.

Готический роман утвердил себя как литературный жанр, и к концу восемнадцатого столетия количество произведений в этом жанре стало расти с невероятной быстротой. Знаменитые романы Анны Радклифф (1764 - 1823) опять ввели моду на ужасное и таинственное. Готические сказания - как английские, так и немецкие – стали появляться во множестве и не отличались оригинальностью.

После удачного начала культ готического романа на несколько лет ушел в тень, пока в 1777 Клара Рив не издала роман «Старый английский барон» (Old English Baron). В этом повествовании заслуживает внимания попытка объяснить в финале нагромождение таинственных явлений естественными и правдоподобными причинами. Любимицей же поклонников готического романа поры его расцвета стала Анна Радклифф (1764–1822). Между 1789 и 1797 она написала пять готических романов, четвертый из них, «Тайны Удольфо» (1794), до сих пор остается самым совершенным воплощением жанра. Последний ее

готический роман, «Итальянец» (1797), по мнению позднейших читателей, ближе всего к собственно роману. Вслед за К.Рив А. Радклифф завершала повествование разумными объяснениями того, что по ходу действия казалось сверхъестественным. «Монах» М.Г.Льюиса (1796) был, судя по всему, вдохновлен «Тайнами Удольфо», но картины порока и насилия в нем показались слишком яркими даже преданным поклонникам жанра. Он остается самым шокирующим и самым сильным образцом жанра.

На рубеже XVIII–XIX вв. вышли в свет десятки второсортных и бьющих на эффект готических историй, по большей части анонимных и изданных в виде дешевых брошюр. К этому времени образованный вкус уже не одобрял увлечения готическим жанром. В «Нортенгерском аббатстве» (1818) Джейн Остен высмеяла его влияние, особенно на умы юных читателей. Позднейшие похвалы В.Скотта некоторым готическим авторам, прежде всего А. Радклифф, были, по-видимому, менее искренни, чем его же пренебрежительное упоминание о готическом жанре в Предисловии к своему «Уэверли».

Тем не менее готические романы продолжали появляться. В число самых заметных входят «Франкенштейн» (1818) М. Шелли и «Мельмот Скиталец» (1820) Ч.Мэтьюрина. «Падение дома Эшеров» (1839) Э.А.По — непревзойденное, сравнительно короткое (что, возможно, само по себе является достоинством) произведение готического жанра. Ближе к нашему времени — «Остров доктора Моро» (1896) Г. Уэллса, «Дракула» (1897) Б.Стокера и рассказы А.Блэквуда, У.Деламара и И. Динесена (псевдоним Карен Бликсен).

Но готический жанр продолжался не столько в сочинениях, сколько в воздействии его элементов на прозу. Так, готический материал успешно использован в ранних романах У.Годвина и Ч.Б.Брауна. Лучшие образцы попутных готических эффектов можно найти в «Грозном перевале» (1847) Э.Бронте, «Маркгейме» (1887) Р.Стивенсона и «Повороте винта» (1898) Г.Джеймса. Менее очевидные примеры — «Джейн Эйр» (1847) Ш. Бронте, «Тайна доктора Гримшо» (посмертно, 1882) Н.Готорна и «Элси Веннер» (1861) О.У.Холмса.

Жанр готики расцвел в начале XIX века. Новое поколение авторов нарушило строгие каноны старой Готики, заложенные «Замком Отранто». Несчастные главные герои ранних романов были убраны, и служили только как свидетели падения главного злодея. Теперь жанр Готики принадлежал самим злодеям — мудрым антигероям, отталкивающим и притягательным, обладающим огромным потенциалом, который гибнет из-за их смертных грехов. Туманные проклятия и призраки ранних романов теперь стали более реальны. Поздние готические авторы пересказывали старые легенды, выводя новые архетипы ужаса.

Во второй половине XIX века традиции Готики вновь обратились к своим корням. Эдгар Алан По писал рассказы о безумии и одержимости, а в «Убийствах на улице Морг» он добавил к жанру сверхъестественного ужаса новую составляющую — образ детектива-следователя.

Век романтизма оставил богатое наследие в жанре «готической» (или, вернее, мистической) литературы. И многое из этого наследия было

использовано в конце XIX века, когда новый поворот колеса времени опять вызвал взлет технического прогресса, а с ним и очередную волну тоски по мистическому волшебству прошлого.

Новые авторы описывали страхи современности, используя старые штампы. Открытия в области эволюции и психологии показывали, что человек - это всего лишь зверь, прячущийся за тонкой вуалью цивилизации. На стыке XIX-XX веков один из забытых законов жанра Готики неожиданно вновь дал о себе знать. Это был герой, боровшийся со злодеем. Так, главные персонажи «Дракулы» Брэма Стокера преследуют своего бессмертного противника по всей Европе, чтобы положить конец его злему правлению. Детектив-следователь поневоле преобразился у Стокера в оккультного детектива. Персонажи романа изучали оккультизм не для того, чтобы добиться личного могущества, а чтобы сражаться со злом.

В начале XX века жанр ужаса продолжал продвигаться. Традиции Готики уступили место странным рассказам авторов вроде Говарда Филлипса Лавкрафта. Лавкрафт сохранил готическую ауру, когда создавал страшные «чужие сущности», отражающие общество, униженное научными открытиями и бесчеловечностью Мировой Войны.

С каждым новым возрождением жанра новые авторы «искажали» старые стереотипы, добавляя страхи своей эпохи. Существует мнение, весьма распространенное среди литературоведов, что "литература ужасов" становится особенно популярной в переломные времена. И, в принципе, так оно и есть. «Достаточно вспомнить, что деятельность Говарда Филлипса Лавкрафта - отца жанра "horror" в XX в. - приходилась как раз на время "великой депрессии" в Америке. Потом его творчество было основательно позабыто и лишь ближе к концу века вновь получило известность» [4]. В переломные времена люди начинают особенно отчетливо видеть несовершенство окружающего их мира. Они перестают верить в абсолютную силу науки, перестают надеяться на лучшее. "Литература ужасов" же намеренно делает акцент на том, что наука – более не может претендовать на знание. Мир непознаваем и чаще всего поворачивается к нам с самой дурной и пугающей своей стороны.

Обратимся к канонам готического романа. Элементы просветительской прозы сочетались в готическом романе с принципами, предвосхитившими романтизм. Так, от эпохи Просвещения его авторы унаследовали жесткую логику в развитии сюжета, когда следствия вытекают из причин; апелляции к разуму и здравому смыслу; дидактическую тенденцию, в согласии с которой если добродетель и не всегда торжествует, то порок непременно бывает наказан.

В то же время, подчеркивая непознаваемость рока и загадочность самой природы человека, готические романисты обращались к фантастике, сверхъестественному, мистификации обыденного. «Фантастическое в романе «тайн и ужасов» – эстетическая реакция на немыслимость преступлений, которые позволяет себе забывшая об интересах целого индивидуальная воля» [2;12].

Герой готического романа настолько ослепляет себя эгоизмом, что попрание человеческих и божьих законов предопределяет неотвратимость

низвержения в адскую бездну. Здесь Провидению приходится, прибегая к сверхъестественным возможностям, сокрушать злую волю преступника внешними по отношению к нему силами. «Мистическое обязательно пробуждает страх. Это чувство сопряжено с трепетом, вызываемому прикосновением к чему-то грозному, загадочному и величественному, что реально существует в мире. Оно открывается человеку только в миг озарений и потрясений, когда он осознает, до чего самонадеянными были его верования, основанные на иллюзии власти над объясненной и укрощенной природой»(5). Там же, где Провидение надежно контролирует ход событий, все внешне фантастическое получает в итоге умопостигаемое, естественнонаучное объяснение.

Предромантизм реабилитировал готику как искусство, способное добыть более глубокую, более драматичную правду о человеке, существе отнюдь не гармоничном по своей природе, но раздвоенном, в котором одна его часть – разумная – испытывает страх перед иррациональной агрессивностью другой. Этот страх, в свою очередь, начинает осмысляться не как отрицательный психический аффект, а как состояние, порождающее «возвышенные переживания» [2;10].

В готическом романе сюжет строится вокруг тайны – например, чьего-то исчезновения, неизвестного происхождения, нераскрытого преступления, лишения наследства. Завязка конфликта, как правило, происходит в прошлом. Обычно используется не одна подобная тема, а комбинация из нескольких тем. Раскрытие тайны откладывается до самого финала. К центральной тайне обычно добавляются второстепенные и побочные тайны, тоже раскрываемые в финале.

Большинство ранних готических романов имело одну фабулу. Злой тиран совершил ужасное преступление и избежал правосудия, но его грехи делали его существование порочным и пустым. Молодой и юный главный герой прибывает в царство злодея. Ненавидя их чистоту и боясь, что они раскроют его вину, негодяй преследует молодых и невинных. В соответствии с законами жанра, по прихоти судьбы и духов молодой герой узнает о преступлении и о своем отобранном наследстве. Собственные грязные дела злодея и божественная сила правосудия, а вовсе не жалкие старания героя, приводят к концу злодея. В конце все преступления будут отомщены, зло поглотит само себя, и истинная любовь победит (Г.Уолпол «Замок Отранто», А. Радклифф «Удольфские тайны»).

Готическому роману свойствен и особый хронотоп. Большинство готических романов имеют местом действия древний, заброшенный, полуразрушенный замок или монастырь, с темными коридорами, запретными помещениями, запахом тлена. В этом замке отложились следы веков и поколений в различных частях его строения, фамильных картинных галереях, семейных архивах, в специфических человеческих отношениях династического преемства, передачи наследственных прав. Обстановка включает в себя завывание ветра, бурные водные потоки, дремучие леса, безлюдные пустоши, разверстые могилы. Повествование готического романа окутано атмосферой страха и ужаса и разворачивается в виде непрерывной серии угроз покою,

безопасности и чести героя и героини. Различные легенды и предания окружают замок и его окрестности. Все это, по мнению М. Бахтина, создает «специфическую сюжетность замка» [1;194], развернутую в готических романах.

Существуют магистральные темы готического романа. Прежде всего, это Смерть, чей культ пронизывает всю готическую культуру. Нередко развивается тема искушения, невозможности главного героя противостоять инфернальным силам. Готику интересует все таинственное, потустороннее, мистическое, неподчиненное разуму, отсюда плавно вытекают «сверхъестественный оккультизм в виде призраков, зомби, черной-пречерной магии и истории о вампирах» [6].

Центральный персонаж ранних готических романов – девушка. Она красива, мила, добродетельна, скромна и в финале вознаграждается супружеским счастьем, положением в обществе и богатством. Сама природа сюжета требует присутствия злодея. По мере развития готического жанра злодей вытеснял героиню (всегда бывшую не столько личностью, сколько набором женских добродетелей) из центра читательского внимания. В поздних образцах жанра он обретает полноту власти и обычно выступает в качестве двигателя сюжета. Как правило, герой в готических романах типизирован: он либо является представителем проклятого рода, либо – невинной душой, страдающей от потусторонних сил.

Все эти черты, присущие готическому роману, были известны прозе и прежде, но именно в готическом романе они вошли в настолько отчетливое и эффектное сочетание, что произведение, у которого нет хотя бы одной из этих черт, уже нельзя отнести к чистому готическому жанру.

Готический роман – целостная и хорошо структурированная система, развивавшаяся на протяжении нескольких столетий, порожденная предромантической эстетикой и философией. Последняя предопределила характер конфликта, расстановку действующих лиц, иерархию мотивов и сумму повествовательных приемов. Она создала и специфические романские модели, которые воспринимались или отвергались последующей литературой. Эти модели могли разрушаться как целостное образование, обогащая традицию отдельными своими элементами.

1. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975
2. Бондарев, А.П. Проблема человека в романе Вильяма Годвина “Сен-Леон”//Годвин, В. Сен-Леон. Повесть шестнадцатого века. – М.: Ладомир, 2003. – с.5 – 32
3. Жирмунский, В.М. Английский предромантизм // В.М. Жирмунский Из истории западноевропейских литератур. – М.: Наука, 1981. – с.153
4. Малахов, О. Литература ужасов – <http://www.horromaker.narod.ru/horror.htm>
5. Зверев, А. Храм Гекаты // Запретная книга <http://www.lovecraft.ru/author/articles/hekata.html>
6. Лавкрафт Г.Ф. Помни о Смерти: Готические ужасы // “Мир фантастики”, 2004, №8 – <http://excalibur1.narod.ru/stat/mf6-got.htm>

Романенко О.В. Сущность билингвизма

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В связи с развитием экономических и культурных контактов между разными странами и, соответственно, более интенсивным развитием языковых контактов, проблема билингвизма (двуязычия) приобретает сегодня особое значение.

В настоящее время исследования, связанные с вопросами двуязычия, продолжают. Важность исследования двуязычия подтверждается и тем, что в Канаде был создан Международный центр билингвизма. С точки зрения практических интересов человечества на современном этапе его развития вопросы двуязычия и многоязычия относятся к одной из важнейших лингвистических проблем.

В многонациональном государстве проблема двуязычия и многоязычия приобретает особо важное значение. „Языковая свобода – это свобода выбирать язык для выражения тех или иных мыслей, и более того – это свобода мыслить об одних и тех же предметах на двух языках, мыслить стереометрически. Вступить на границу двух культур – это как от монозвука перейти в мир стерео: видеть одну культуру глазами другой, и видеть все вещи двумя глазами“ [Эпштейн 2000].

Билингвизм – это знание двух языков, способность употреблять для общения две языковые системы. Это результат межцивилизационного взаимодействия культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или родственной языковой культуры.

Принято считать, что существует несколько типичных причин возникновения билингвизма. Одной из причин является двуязычная семья. Другая распространённая причина – когда семья живёт в иноязычном окружении и человек вынужденно общается вне семьи на другом языке (беженцы, иммигранты). Наиболее часто билингвизм возникает при обучении второму (иностранному) языку в школе. Важно отметить, что двуязычие редко выступает как некая данность или абстрактная возможность отдельного человека, групп людей или целого народа общаться на двух языках

По данным ряда исследователей, билингвов (двуязычных) в мире больше, чем монолингвов, и, таким образом, билингвизм в современном мире следует признать весьма распространённым явлением. Билингвизм стал одним из самых ярких явлений межкультурной коммуникации, определяемой как общение людей, представляющих разные культуры.

По мнению некоторых учёных, например, Л.В.Щербы, двуязычие проявляется не на индивидуальном уровне, а только на уровне коллектива: „Под билингвизмом подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть двуязычным значит принадлежать одновременно к двум таким различным группировкам“ . Другие предлагают рассматривать

индивидуальный билингвизм, например, Э. Хауген.

Пользуясь термином «билингвизм», необходимо учитывать степень овладения новым языком. Существуют разные точки зрения на то, в какой мере индивид должен владеть вторым языком, чтобы его признали двуязычным.

Во многих странах люди говорят дома на местном диалекте, а в официальной ситуации – на литературном варианте государственного языка, которым овладевают, как правило, в школе. Такую языковую ситуацию называют «диглоссией». Обычно разновидность языка, используемая в повседневном общении, обладает более низким статусом и иногда вообще не имеет письменной формы (например, различные виды швейцарских диалектов), а литературный язык специально преподаётся и является языком науки, прессы и литературы.

Некоторые лингвисты считают, что билингвизм – это приблизительно равное владение двумя языками. Данное утверждение не является верным, так как оно ведёт к спору о принципиальной возможности полного билингвизма. Более верное подтверждение билингвизма даёт нам Э. Хауген, подчёркивая, что данный феномен начинается со способности производить законченные высказывания на языке, отличном от другого.

В индивидуальном плане степень владения вторым языком зависит от той социальной роли, которую данный язык играет в жизни индивида, степени его участия в производстве и общественной деятельности.

Два языка обычно бывают сформированы у человека в разной степени. Поэтому в определении билингвизма отсутствует требование абсолютно свободного владения обоими языками. Исследования показывают, что наиболее распространенной формой является двуязычие, при котором уровень знания родного языка превышает уровень знания второго языка.

Билингвизм принято подразделять на естественный (при котором оба языка выучиваются в естественных условиях двуязычного общения) и искусственный (второй язык изучается специально, под руководством учителя и с использованием методических приёмов и методов обучения). Есть и другие классификации билингвизма. Так, например, выделяют рецептивный (понимание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе), репродуктивный (умение воспроизводить прочитанное и услышанное) и продуктивный (умение не только понимать и воспроизводить), а также пассивный и активный. Под активным билингвизмом Г.А. Бертагаев предполагает «владение вторичным языком в его устной и письменной форме», а под пассивным «... частичное, или неполное владение вторичным языком; это умение понять, но не умение ответить или передать текст, не воспринимая полностью его содержание» [Бертагаев 1972:83]. Говорят также и о функциональном билингвизме – такой ситуации, когда человек, не владея вторым языком в полной мере, использует его при определённых целях.

Две системы языков в сознании билингва находятся во взаимодействии. Широко известна гипотеза Вайнрайха, предложившего классификацию билингвизма по трём типам, основанную на том, как усваиваются языки. Согласно данной гипотезе различают составной билингвизм, когда для каждого

понятия есть два способа реализации (предположительно, чаще всего характерен для двуязычных семей), координативный, когда каждая реализация связана со своей отдельной системой понятий (такой тип обычно развивается в ситуации иммиграции), и субординативный, когда система второго языка полностью выстроена на системе первого (как при школьном типе обучения иностранному языку). Термины „координативный“ и „субординативный“ рассматривают билингвизм и с точки зрения функционирования языков, и с точки зрения их положения в обществе, и с точки зрения их положения в сознании носителя. Координативный билингвизм существует в том случае, если языки учатся в детстве в разных ситуациях, языки независимы, двум значениям в сознании носителя соответствуют две формы (по одной в каждом языке). Субординативный билингвизм относят к сложным видам билингвизма. О сложном двуязычии говорят, если языки учатся в одном и том же окружении, языки зависимы, одному значению в сознании носителя соответствуют две формы. Под субординативном двуязычии понимается ситуация, когда более слабый язык интерпретируется через более сильный.

Выделим следующие четыре основных фактора, которые наиболее часто используются лингвистами в определении самого феномена билингвизма и условий его возникновения:

1. уровень языковой компетенции (второй язык);
2. возрастной фактор (время овладения (начало изучения) вторым языком по отношению к первому);
3. фактор языковой ситуации (степень проникновения второго языка в различные сферы общения, его формальный статус);
4. методический фактор (методически управляемое и неуправляемое овладение вторым языком).

Как показывает анализ, определение того или иного вида билингвизма даётся исходя из того, какой из этих факторов находится в поле зрения исследователя. В реальности все четыре фактора оказывают влияние на становление билингва, и отводить какому-нибудь из них главенствующее значение было бы ошибочно.

Говоря о доминировании языка при индивидуальном билингвизме, У. Вайнрайх называет пять факторов, влияющих на доминирование того или иного языка:

1. уровень владения (доминирует тот язык, каким человек лучше владеет);
2. способ использования (доминирует тот язык, на котором индивид грамотен);
3. порядок и возраст изучения (доминирует тот язык, который выучен раньше);
4. роль в общении (доминирует тот язык, на котором индивид чаще говорит);
5. роль в общественном продвижении говорящего (доминирует язык, важный для социального продвижения).

Проблему двуязычия, как правило исследуют в нескольких аспектах: в

первую очередь, в собственно-лингвистическом, а также в социолингвистическом, педагогическом, психологическом и в других аспектах. Лингвистическому аспекту отводится ведущая роль, поскольку он имеет большое теоретико-познавательное и практическое значение». Не менее важное место занимает социологический аспект, поскольку «двуязычие, несмотря на его многоаспектность – глубоко социальное явление... » [Холмогоров 1972:161].

Таким образом мы видим, что данная проблематика, проблема двуязычия является довольно-таки актуальной в наши дни. Она продолжает исследоваться и волновать многих учёных.

Рыхлова О.С. Аспектуальная характеристика глагольной семантемы на материале немецкого, русского и английского языков

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Гетерогенность лексических способов действия (мгновенность, инхоативность, длительность, предельность, неопредельность, прогрессируемость, итеративность) ставит вопрос об их относительной важности и о попытке классифицировать их в зависимости от роли в акте коммуникации, т.е. вопрос об их иерархизации. Ядром плана содержания микрополя глагольных СД выступает категория предельности/неопредельности глагола, о которой впервые в языкознании заговорил в 1930г. Отто Есперсен.

Изучению предельности/неопредельности (в дальнейшем П/НП) действия, которая выдвигается в центр универсальных семантических параметров процессов, представленных через глагол в языках разной типологии, уделяется в последнее время большое внимание. Выясняется, что в основе этого универсального явления лежат в онтологическом плане различия между двумя фундаментальными и также универсальными типами процессов – между действиями и состояниями.

«Характеристика по П/НП представляется при изучении функционирования глагольных форм в речи очень важной и даже определяющей это функционирование, ввиду того что предельный или неопредельный характер глагола вступает в различные отношения с грамматическим значением форм, от чего зависит конечное и весьма разнообразное значение этих форм в речи» [Реферовская 1984: 93 – 94].

Данное противопоставление П/НП трактуется А.В. Бондарко как наличие/отсутствие любого предела – как реального (эксплицитного и имплицитного), так и потенциального.

В русском языке различие П/НП подчинено грамматической категории вида. Это находит выражение в распределении П/НП по видам: несоотносительный НСВ — неопредельность; видовые пары и несоотносительный СВ – предельность [Бондарко 2001: 59].

Как и в других языках, П/НП в русском языке базируется в семантике глагола, в ее отношении к значению предела. Но особенность русского и других славянских языков состоит в том, что “предельная/непредельная способность глагола” реализуется в рамках жесткой и облигаторной видовой системы. Заложённая в семантике глагола способность к П/НП получает реализацию в словоформах с определенным грамматическим видовым значением. Если П/НП определить как характеристику того или иного глагола (того или иного из его значений) или разряда глаголов, то, говоря о предельности/неопредельности глагола, следует иметь в виду характеристику именно данного глагола (с его лексическим значением, значениями определенного СД и вида), а не характеристику действия вообще, которая включала бы его выражение

образованиями от той же основы. Например, глагол *подождать* — предельный, так как он, как и любой другой глагол СВ, обозначает действие, ограниченное пределом (в данном случае делимитативный СД обуславливает дополнительный семантический элемент ограниченной длительности). Глагол *ждать* — неопредельный, потому что его значение не связано ни с реальным, ни с потенциальным пределом.

Следует отличать предельные/непредельные действия и предельные/непредельные глаголы: они в большинстве случаев совпадают друг с другом, но язык может наложить и на неопредельные действия границы проявления, и тем самым выразить специфическую предельность. Предельные /непредельные действия универсальны для всех языков, предельные/непредельные глаголы могут быть идиоэтническими [Шелякин 1983: 164].

Учитывая вышесказанное, предельными глаголами следует считать те глаголы, которые в своем главном (внеконтекстном) значении содержат указание на стремление к пределу, который может иметь место в называемом ими действии (процессе), а также такие глаголы, в которых предел находит прямое выражение (это относится к языкам с грамматической категорией вида). Глаголы, которые во внеконтекстном значении не имеют указания на возможную границу обозначаемого ими действия (процесса, состояния), т.е. такие глаголы, которые служат только для называния действия безотносительно к точке его начала или конца, составляют класс неопредельных глаголов [Балин 1979: 19]. К предельным относятся как глаголы, обозначающие процессы, так и глаголы мгновенного действия (*evolve, pass, escape, fall, throw, strike, fallen, aufstehen, erschießen, упасть, ударить, встать, добежать*). Неопредельные глаголы обозначают действие (состояние) так, что оно как бы не имеет ввиду достигнуть такового завершения, которое бы его исчерпало. Прекращение действия или состояния наступает не вследствие достижения предела, а в силу каких-то других, внешних по отношению к характеру действия причин (например, *sleep, belong, chafe, schlafen, halten, lieben, работать, творить, думать*).

Лексико-семантический момент категории П/НП определяет круг грамматических форм, в которых выступает глагол, и соопределяет семантическое содержание этих форм, т.е. их грамматическое значение. Например, неопредельный глагол не может функционировать в форме совершенного вида, форма простого будущего времени применима только к глаголам совершенного вида, форма совершенного вида применима только для предельных глаголов, при этом обратное неверно.

СД, являясь разновидностями категории П/НП, однотипны в отношении аспектуальной семантики, но различаются по наличию/ отсутствию морфемных средств их выражения. Одни СД указывают на особенности предельной/непредельной аспектуальной характеристики самих действий “по природе”, не имея специальных морфемных показателей, другие СД морфемно

выражены и вносят модифицирующие признаки в значения исходных глаголов.

В связи с тем, что модифицирующие (характеризованные) СД являются производными образованиями, может возникнуть представление о наличии в них одновременно двух СД: один принадлежит исходному глаголу (например, *лежать* в *полежать*), другой — словообразовательному форманту (*по-* в *полежать*). Однако такое решение вопроса было бы ошибочным. Дело в том, что характеризованные СД модифицируют не какие-то исходные СД, а действия исходных в словообразовательном отношении глаголов, которые, как правило, не совпадают с границами нехарактеризованных СД. Следовательно, самый «акт образования характеризованных СД — это акт образования нового СД, а не сочетание двух СД». В семантическом отношении те и другие СД равноправны [Бондарко 2001: 67].

Отнесение тех или иных СД к характеризованным и нехарактеризованным способам действия в ряде случаев вызывает трудности, которые связаны с отграничением в глаголах понятийных признаков отдельных действий от признаков СД.

В обобщенном плане можно говорить о существовании двух основных подходов к проблеме СД. Первое направление, представителями которого являются Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, С.-Г. Андерссон и др., характеризуется тем, что СД считают семантической или лексико-грамматической категорией, притом охватывающей всю глагольную лексику вне зависимости от формальной выраженности того или иного СД. Сущность второго направления, которое представляет А.В. Исаченко, Н.С. Авилова, А.М. Ломов О.М. Соколов и др., заключается в том, что признаются только морфемно-выраженные СД. Так, Н.С. Авилова пишет: «Способы действия выражают модификацию значения действия, названного простым глаголом, в направлении количественно-качественных уточнений его протекания и специальных характеристик результативности, причем эта модификация обязательно формально выражена» [Авилова 1976: 266].

Отметим, что различия этих двух направлений не носят чисто терминологического характера. Разные подходы приводят к различным в качественном и количественном плане классификациям глагольных действий по характеру их протекания во времени. Даже в рамках одного направления не предлагается единая классификация. Одни и те же СД у разных авторов попадают в различные группы.

Проблема классификации СД в германских языках так же остается нерешенной по настоящее время, как и другие вопросы, связанные со СД. В английском и немецком языках нет той “жесткой и облигаторной видовой системы”, о которой говорилось выше, и это является основной характеристикой германской аспектологии. О категории вида можно говорить в том случае, когда «аспектуальные значения получают открыто (или чисто) грамматическое выражение, т.е. в значительной части глагольной лексики выступают как противопоставление словоформ одного глагола. Такое

внутрилексемное грамматическое противопоставление является морфологическим в широком смысле независимо от того, воплощается оно в синтетических или в аналитических словоформах» [Маслов 1984: 9–10].

Скрытое грамматическое противопоставление характеризуется смешанным лексико-грамматическим характером. «Скрытая грамматика – это грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов» [Кацнельсон 1972: 78]. Лексико-грамматические (скрыто грамматические) средства выражения аспектуальных значений подразделяются на аспектуальные классы и подклассы глагольной лексики. Аспектуальные классы представлены такими группами, как предельные, неопредельные глаголы. Предельность в современной аспектологии определяется как ступень абстракции, наиболее приближенная к категории вида и активно взаимодействующая с видовым значением глагола [Кошечкина 1972: 67]. Теория предельности связывается в отечественной лингвистике с именем Г.Н. Воронцовой [см., например, Воронцова 1948; 1960], которая определила лексическую природу предельности и отделила ее от грамматического понятия «вид». Следует отметить, что в отличие от славянских языков, предельность в германских языках не имеет формальных признаков выражения, вследствие чего она относится к области «скрытой» грамматики. Поэтому для английского и для немецкого языка категория П/НП представляет собой лексико-грамматическую категорию. Отличительным признаком предельности является разделение всех глаголов на два больших класса: предельные и неопредельные глаголы. Например, атрибутивное причастие II применимо только для предельных глаголов немецкого языка, аналогичное явление наблюдается и при применении футурального перфекта. Однако не все глаголы можно четко отнести к определенному разряду П/НП. Например, глаголы движения и перемещения (*gehen, ziehen*) представляются лексически двойственными. В зависимости от контекста, т.е. от обстоятельства или дополнения, с которым употребляется данный глагол, действие, обозначаемое им, может быть как предельно, так и неопредельно выраженным [Иваницкий 1991: 31].

В немецком языке с точки зрения предельности/неопредельности глаголы делятся на три группы:

1) предельные глаголы, в семантике которых содержится указание на предел действия (в немецкой аспектологической литературе их называют иногда *grenzberogene Verben* [Andersson 2004: 29], например: *ankommen, finden*;

2) неопредельные глаголы, в семантике которых нет указания на предел обозначаемого им действия: *leben, sitzen*;

3) аспектуально нейтральные глаголы, т.е. глаголы, указание на наличие или отсутствие предела зависит от контекста: *gehen* и *in den Wald gehen*; (*Kirschen*) *essen – einKilo Kirsch essen*; *tanzen – einen Tango tanzen* и т.д.

В отношении случаев проявления двойственной природы мнения грамматистов расходятся. Так, И.П. Иванова выделяет промежуточный класс – глаголы двойственного видового характера [Иванова 1981]. В то же время М.Я. Блох считает такие случаи лишь проявлением оппозиционной редукции.

Например: *He turned the corner and found himself among a busy crowd of people. It took not only endless scientific effort (предельность, основная функция), but also an enormous courage to prove that the earth turns round the sun (непредельность, нейтрализация) [Blok 2000: 93].*

Существуют различные мнения по вопросу классификации немецких и английских глаголов в рамках категории П/НП. Одни лингвисты считают, что они могут быть предельными и непредельными, другие же придерживаются иного мнения и выделяют еще и нейтральные в отношении П/НП глаголы, которые, как было сказано выше, в зависимости от контекста приобретают семантику предельности или непредельности. Такое явление носит название “аспектологический дуализм”, иными словами, это такое явление, “сущность которого заключается в возможности неоднозначной интерпретации одного и того же глагольного действия в аспектуальном отношении (в плане достигнутой/ недостигнутой предельности)” [Илькин 1981: 2], выявляемое не на семасиологическом уровне, а в контексте. Отметим, однако, что, в сущности, почти любой глагол немецкого языка в определенном контексте может выражать как значение достигнутой предельности, так и недостигнутой предельности. Причиной тому служит, видимо, то, что подавляющая часть глаголов характеризуется наличием в их семантике лишь потенциального предела, который может практически с одинаковым успехом реализоваться или же нейтрализоваться в речевых употреблениях [Ризаев 1988: 14— 18].

Грамматика Лонгман (Longman Grammar of Spoken and Written English) предлагает следующую классификацию английских глаголов в рамках предельности и непредельности: progressive and non-progressive verbs.

«Two characteristics distinguish the group of verbs commonly taking progressive aspect from the group that rarely occurs with the progressive:

First, the common progressive aspect verbs typically take a human subject as agent, actively controlling the action or state expressed by the verb.

In contrast, some of the verbs that rarely occur in the progressive take a human subject as experiencer, undergoing but not controlling the action or state expressed by the verb. Other verbs in this group do not usually take human subject at all.

Second, the action, state, or situation described by common progressive verbs can be prolonged. In contrast, the verbs that rarely occur in the progressive fall into two main groups:

- those that refer to an action that is immediate,
- those that refer to a state that is not normally continuing the process.

The ‘process’ element of meaning is very important by the progressive verbs. The progressive verbs are:

- stative visual and auditory verbs *look, watch, stare, and listen;*
- stative mental verbs *think, wonder;*

- stative physical verbs *stay, wait, sit, stand, live*;
- dynamic activity verbs *bring, drive, move, play, walk*;

The non-progressive verbs are:

- stative visual and auditory verbs *see, hear*.
- stative mental verbs *appreciate, desire, know, like, want*;
- dynamic activity verbs *shut, smash, swallow, throw* (*these actions have virtually no duration*);
- end-point verbs *attain, dissolve, find, rule*» [Longman Grammar of Spoken and Written English 1999: 474].

Придерживаясь концепции В.М. Павлова, который, разрабатывая новый подход в изучении категории П/НП, предложил различать предельные в объективной действительности действия и дал им название “трансформативные действия”, и неопредельные в объективной действительности действия, названные как “статальные действия”, под предельными глаголами в немецком и английском языках мы, вслед за В.М. Павловым, будем подразумевать глаголы, отображающие трансформативные действия, а под неопредельными — глаголы, отображающие статальные действия [Павлов 1984]. Из вышесказанного следует, что среди глаголов, репрезентирующих трансформативные действия, различаются глаголы, постоянно выражающие актуальное достижение предела, и глаголы, допускающие возможность процессного обозначения трансформативного действия. Среди глаголов, выражающих статальные действия, выделяются в основном глаголы с доминирующим значением процессного изображения действия, но допускающие репрезентацию статального действия вместе с моментом его завершения.

По достижении действием его предела появляется результат, на получение которого и было направлено действие. Неопредельные глаголы обозначают действие, предел которых находится вовне. Действие, обозначенное неопредельным глаголом, в принципе могло бы продолжаться бесконечно и, чтобы закончиться, оно должно быть чем-нибудь остановлено, прервано. Пределом ему служит либо внешняя причина, его останавливающая, либо указание на тот отрезок времени, в течение которого оно осуществлялось. Кончился данный отрезок времени, вместе с ним кончилось и действие.

Список использованной литературы:

Балин Б.М., Аристархова К.Н. Синонимия аспектуальных средств в немецком тексте // *Контрастивная грамматика. Языки народов СССР – германские языки.* – Калинин: Изд-во КГУ, 1984. – С. 27-33.

Бондарко А.В. Содержание и типы аспектуальных отношений // *Теория функциональной грамматики.* – М.: УРСС, 2003. – С. 3-85.

Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. – М., 1960.

Иваницкий В.В. Основы общей и контрастивной аспектологии. – Кемерово: Филиал изд-ва Томского ун-та при Кемер. ун-те, 1991. – 199 с.

Илькив Н.В. Акциональный потенциал аспектуально двузначных действий в современном немецком языке // *Парадигматический и синтагматический аспекты морфологических форм.* – Иваново, 1988. – С. 30-34.

Кошечая И.Г. Типологические структуры языка: Сфера видо-временных значений. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972. – 234 с.

Маслов Ю.С. Перфектность // *Теория функциональной грамматики.* М.: УРСС, 2003. – С. 195-209.

Павлов В.М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике "временных форм" немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // *Теория грамматического значения и аспектологические исследования.* – Л.: Наука, 1984. – С. 42-70.

Реферовская Е.А. Аспектуальные значения французского глагола // *Теория грамматического значения и аспектологические исследования.* – Л.: Наука, 1984. – С. 91-109.

Ризаев Б.Х. К проблеме предельности / неопределенности немецкого глагола // *Функционирование грамматических категорий.* – М.: Академия наук СССР. Институт языкознания, 1989. – С. 138-145.

Шелякин М.А. О функциях видовых форм русского глагола при отрицании действия // *Функциональные аспекты грамматики русского языка.* – Тарту: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 109-114.

Andersson S-G. Gibt es Aspekt im Deutschen? // *Aspekt und Aktionsarten im heutigen Deutsch.* (= Eurogermanistik 19). Hrsg. von L. Gautier, D. Haberkorn. – Tübingen: Staffenburg Verlag, 2003. – S. 1-11.

Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. – Moscow: Vysshaya Skhola, 2000. – 381 с.

Longman. Grammar of spoken and written English / Douglas Biber. Third impression. – London, 2000. – P. 357-571.

Симутова О.П. Создание новых слов – основная разновидность словообразовательной игры в языке СМИ

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

На сломе исторических эпох зримо меняются многие лексико-семантические и стилистические характеристики языка: актуализируются различные средства выражения экспрессии, возникает множество неологизмов, развиваются новые значения слов [Гарбовская 2006: 10].

В последние годы внимание к проблеме новых слов обострилось, их изучение стало более интенсивным. В лексике наиболее наглядно и непосредственно отражаются разные изменения, происходящие в общественной жизни. Открытость лексики для внеязыковых, социальных воздействий обусловлена характером составляющих ее единиц, их основной функцией – служить обозначениями предметов и явлений действительности. Процесс познания новых предметов и явлений, появление чего-то нового в жизни общества вызывают необходимость номинации, что влечет за собой образование новых слов и выражений или появление новых значений у известных лексических единиц [Тропина 2007: 8].

Активное пополнение словарного состава языка происходит за счёт словообразования. Словообразование, как известно, стало самостоятельной дисциплиной, относительно недавно выделившись из морфологии. Изучение словообразования имеет большое практическое и познавательное значение.

Словообразование характеризуется динамичностью, в нём особенно чётко проявляются творческие возможности языка и коммуникативного акта для создания новых слов [Кубрякова 1979: 48-50]. Единицы словообразования узуального и окказионального характера составляют подвижную, ингерентную часть лексикона. Будучи определённым звеном лексикона, словообразование осуществляет «живую связь его с речевыми произведениями, текстами, синтаксисом. В этом качестве словообразование ярко демонстрирует связь суждения и понятия, предложения и базирующегося на нём обозначения, причастность актов номинации ко всей речемыслительной деятельности человека» [Земская 1988: 172], поскольку языковая система и коммуникативная деятельность, зависящая от свойств системы, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Изучая словообразование и как процесс наречения действительности с помощью особых приёмов и средств, и как результат всех этих процессов, выражающихся в создании производных слов разных типов, мы можем определить, в чём и как проявляется влияние творческой деятельности человека на новые наименования, не только описывающие мир, но и, прежде всего, отражающие его оценку пишущим или говорящим. При этом нельзя не заметить области существенного пересечения и наложения узуального и окказионального словообразования, их постоянного взаимодействия и взаимообогащения. Новые слова, узуальные и окказиональные, не проходят незамеченными. Оценка новых слов говорящими, приёмы ввода новых слов в

текст, свидетельствуют об активном характере словопроизводства [Земская 1992: 12].

Появление новых словообразовательных конструкций мотивировано двоякой функцией словообразования – создать номинативные единицы и параллельные синтаксические конструкции. Создание новых номинативных единиц, в конечном итоге, обусловлено потребностью либо заполнить лауну в наименованиях, либо дать вариант имеющегося наименования. Образование параллельных синтаксических конструкций мотивировано синтаксическими, лингвистическими и коммуникативно-прагматическими факторами. Многообразие этих аспектов должно приниматься во внимание при оценке словообразовательных конструкций [Степанова, Фляйшер 1984: 186].

Словообразование – это образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокоренных слов по существующим в языке образцам и моделям [Fleischer/ Barz 1995: 5].

В зависимости от использованных в акте словообразования формальных средств словообразование делится на словопроизводство (при использовании средств аффиксации – суффиксации и префиксации), словосложение (при участии в акте словообразования, по крайней мере, двух полнозначных единиц), конверсию (при переходе, или транспозиции, слов из одной части речи в другую), аббревиацию (при наличии сокращения исходных слов) и т. п. [ЛЭС 2002: 467]

Словообразовательная деятельность в тексте, по наблюдениям Е. А. Земской, осуществляется с помощью следующих операций: «...создания производного слова от данного в предтексте базового слова или словосочетания; использования в одном фрагменте ряда одноструктурных образований от разных основ; построения производных различных структур от одной основы; построения слов, реализующих одно и то же деривационное значение; каламбурное столкновение от омонимичных или близких по звучанию основ; семантического противопоставления однокоренных слов или паронимов» [Земская 1992: 164]. Газетно-публицистическая сфера активно использует все эти способы, подчиняя их игровой обработке. Причем обработка производится как ради шутки, создания колорита непринужденной атмосферы, так и ради получения нового смысла, обнаружить который и помогает языковая игра.

Создание новых слов в газетно-публицистическом тексте идет в соответствии с основными функциями словообразования:

- номинативной, когда цель производного слова - дать имя явлению или лицу;
- конструктивной, связанной с облегчением процесса порождения высказывания; при этом нередко с помощью одного слова передается содержание целой синтаксической единицы;
- компрессивной, которая состоит в образовании более краткой, чем первичная номинация, вторичной номинативной единицы;
- экспрессивной, когда окказиональное слово приобретает особую выразительность;

– стилистической [Земская 1992: 201].

В ходе словообразовательного процесса наблюдается связь данных функций при бесспорном иерархическом доминировании экспрессивной и компрессивной функций, как наиболее значимых в современной практике. Словообразование, обеспечивая процесс номинации и его результаты, играет важную роль в классификационно-познавательной деятельности человека и выступает как одно из основных средств пополнения словарного состава языка, а также установления связей между отдельными частями речи [Schippan 2002: 108].

Словообразование соприкасается как с грамматикой, так и с лексикологией, однако имеет собственные черты, чем и отличается от обеих областей. Обобщенно-абстрактный характер словообразовательных средств и категорий, а так же степень относительной закрытости словообразовательной системы связывает словообразование с такими уровнями языка как морфология, фонология, морфонология и синтаксис. Между ними, однако, возникают как количественные, так и качественные различия. Словообразовательные структуры тесно связаны с лексико-семантическими категориями, и процессы демотивации и лексикализации способствуют образованию новых слов не с точки зрения синтаксиса, а с точки зрения лексикологии [Stepanova / Fleischer 1985: 11].

Образование новых слов нередко именуется деривацией, производные же и сложные слова как результаты процесса деривации обозначаются общим термином «дериваты». В зарубежной лингвистике существует тенденция приравнивать словообразование к деривационной морфологии как учению о формальных свойствах дериватов и реализующих их морфологических структурах. Основными понятиями теории словообразования являются: понятие *мотивации (мотивированности)* как семантической обусловленности значения производного и сложного слов значениями их составляющих; понятие *словообразовательной производности*, основанное на формальной и семантической выводимости свойств производного из свойств исходных, или производящих, единиц; понятие *словообразовательного правила*, разрабатываемое как российскими (Е.С. Кубрякова, И.С. Улуханов), так и зарубежными (М. Аронов, Ф. Планк, В. Дреслер, С. Скалидзе и др.) лингвистами. Это понятие связано с определением закономерностей, наблюдаемых при создании морфологических структур производных слов и выражений ими новых значений [ЛЭС 2002: 467].

Н.Г.Бабенко выявляет побудительные мотивы, которые подталкивают художников слова к созданию новых слов (индивидуально-авторских образований):

- 1) необходимость точно выразить мысль (ресурса узуальных слов для этого может быть недостаточно);
- 2) стремление автора кратко выразить мысль (в таком случае новообразование позволяет заменить словосочетание и даже целое предложение);
- 3) потребность подчеркнуть своё отношение к предмету речи, дать ему

свою характеристику, оценку;

4) стремление деавтоматизировать восприятие (своеобразный облик слова обращает внимание на его семантику);

5) потребность избежать тавтологии;

6) необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки [Бабенко 1997: 5].

Бабенко полагает, что основными следует считать первые три причины, но добавляет, что очень часто возникновение новообразования вызывается не одной, а сразу несколькими причинами. В предложенной классификации причин использования индивидуально-авторских новообразований отсутствует самая очевидная – стремление добиться комического эффекта. Что касается публицистики, то прагматическая направленность выразительных средств, в том числе потенциальных слов, в плане их нацеленности на воздействие – на потенциального зрителя, читателя, посетителя, покупателя, избирателя и т.п. в зависимости от темы освещения в конкретной публикации, больше чем в художественной литературе. Если в художественной литературе индивидуальное словотворчество скорее всего способ авторского самовыражения, то в средствах массовой информации оно часто связано с рекламной направленностью сообщения. Это особенно очевидно проявляется в аннотациях новых книг, кинофильмов, видеоматериалов, в предвыборных сообщениях в поддержку кандидатов в период политических кампаний и т.п. [Нухов 1997: 97-98].

Создание новых слов признаётся всеми исследователями основной разновидностью словообразовательной игры. Словообразовательная игра (СИ) – это одновременно и разновидность языковой игры (если использовать уровневый подход), и самостоятельно функционирующая система игровых способов и приёмов. Словообразовательная игра – это творчество, удовольствие, получаемое от достижения поставленной цели, реализация того выбора, который предлагает язык, выбора из реально или потенциально существующих возможностей, выбора в пределах системы [Ильсова: [Internet http:// philfac@philol.rsu.ru/](http://philfac@philol.rsu.ru/)].

Словообразовательные игры реализуют бесконечный смысловой потенциал эмотивного кода языка. Благодаря им значительно расширяется корпус речем, удовлетворяющих сиюминутную жажду экспрессии и дающих выход эмоциям. Особые возможности для достижения экспрессивных воздействий создаются при отношении контраста между непосредственно-составляющими, их несовместимости. Особенно это широко применяется в художественных текстах, а также в публицистике и прессе. Подобные отношения между непосредственно-составляющими могут существовать и, соответственно возникать:

1. При нарушении семантической, стилистической совместимости, т.е. соединении составляющих, которые «по норме» не подходят друг другу, напр.: *Gigantchen* (уменьшительный суффикс соединён с существительным, обозначающим что-то очень большое); «Schwein ade – *Fischwurst* erobert den Grill». Особый вид конструкций с несовместимыми составляющими

представляет собой оксюморон, который встречается и в виде словосочетания, и в виде словообразовательной конструкции:

2. При нарушении правил дистрибуции словообразовательных морфем, напр.: в немецком языке – это комбинация суффикса существительных мужского рода *-ling* с мовиционным суффиксом существительных женского рода *in* в словах *Lieblingin, Fremdlingin*. Сочетание основы родного языка и заимствованного суффикса необычны в сфере существительного и прилагательного. Подобные нарушения приводят к бросающимся в глаза, непривычным образованиям: *Kurortologie*, образование, возникшее по аналогии с русским «курортология»

3. При употреблении в качестве первой составляющей композита предложения или словосочетания. Такие образования имеют тенденцию, прежде всего, при интеграции в композите целых предложений, к выражению экспрессивности, и непривычны ввиду напряжения, создающегося между характером предложения, с одной стороны, и характером компонента композита, с другой стороны: ...aus den *Tischleindeckdichkellern* des Großbauern...

4. При соединениях прилагательных с помощью дефисов нередко остаётся неясным, являются ли они определительными или копулятивными композитами, а также граница между ними и словосочетаниями бывает нечёткой: *Nachtkunden (von Taxifahrer) sind oft feucht-fröhlich-frohgelaunt oder still-verschwiegen-zärtlich...* [Степанова, Фляйшер 1984: 224-225].

5. Игра с внутренней формой слова (псевдочленение, псевдомотивация). Механизмом его действия является столкновение созвучных слов – омонимов, паронимов. Распространение данного типа СИ в языке газеты связано с распространением индивидуального словообразования. Особенностью игры с внутренней формой слова в языке СМИ является использование графических средств. Главная забота родителей – чтобы их чадо не объЭГЭрило (КП, №21 2003); Как нам отПИАРить Родину (АиФ, №37 2002); МИРовой парень (Известия, №14 2000).

6. Новой разновидностью СИ, получившей широкое распространение в языке СМИ и рекламы, является игра с латиницей, что, безусловно, является одним из проявлений языкового вкуса эпохи. [Ильясова: [Internet http://philfac@philol.rsu.ru/](http://philfac@philol.rsu.ru/)]. Например, SOSTABЬ КОМПАНИЮ ЖИВЫМ (о наркологической клинике); PLAZМенные мечтания (Жизнь, №41, 2007) (у победительницы конкурса «Уральский самородок» сбылась мечта – спеть с группой «PLAZMA»); «SPA-сение в Кисловодске» (Жизнь, №36 2007) (как мобилизоваться человеку с помощью водных процедур); «ПроСочись на MTV (Жизнь №36 2007) (с намёком - выиграй поездку в Сочи).

7. Весьма заметную роль в языке СМИ стали играть повторы – корневой и повтор одноструктурных производных. Как показывают наблюдения, корневой повтор в языке СМИ более частотен и более разнообразен как структурно, так и функционально. Игровая роль такого повтора особенно очевидна при контактном расположении частей, что и используется в заголовках. Особый интерес представляет использование

многочленного корневого повтора как особого игрового средства. «Вот я *супер-мупер*» (НГ, №23 2007), «Я забыла, что тебя нужно встретить. У меня уже *склерос-сколиос*» (ЮУ, №48 2007)

Таким образом, продуктивность словообразования в современном языке обусловлена подвижностью лексики. Это даёт исследователям богатый языковой материал для изучения творческих начал в человеке, позволяет стать участниками тонкой интеллектуальной игры, какой является индивидуальное словотворчество. Самым активным является словообразование имени существительного, составляя около половины словарного состава языка. При этом разные способы словообразования имеют разную продуктивность у разных частей речи.

Талалай Т. С. Место сложносоставных существительных в современном немецком языке

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Словосложение во всех его видах весьма продуктивно в современном немецком языке.

«Сущность данного способа заключается в том, что два корня или две словообразующие основы, состоящие из корня и аффикса, или 2 грамматически оформленных слова, или несколько корней, основ, слов соединяются в одну лексическую единицу, обладающую признаками слова» (23,64).

К внешним признакам, прежде всего, относятся: единая неизменяемая, хотя и сложная словообразующая основа и централизирующее (главное) ударение, при наличии второстепенных. Твердый приступ сохраняется у всех компонентов.

В сложном слове мы легко выделяем столько корней или основ, сколько в нем имеется самостоятельных частей, например: **Tisch-tuch, alt-hoch-deutsch, teil-nehm(en), Lehrer-seminar, Lehrer-bildungs-anstalt.**

В отдельных случаях часть сложного слова сохраняет и грамматическое оформление, например: **Krause-minze** – мята кудрявая, **Blinde-kuh-spiel** – игра в жмурки или застывает в определенной форме вместе со служебным словом, например: **der Spring-insfeld** – ветрогон, шалун. Однако во всех случаях корни, основы, состоящие из корня и аффикса, слова в той или иной грамматической форме объединяются в одну новую общую словообразующую основу, которая остается неизменной при склонении или спряжении, а также и в том случае, если она становится центром дальнейшего словообразования. Независимо от того, из скольких частей состоит словообразующая основа сложного слова, его характеризует при этом единое централизирующее ударение при наличии второстепенных ударений.

Vaterland, teilnehmen

Многие сложные слова появляются как наименования, как выразители единых понятий: **Eisenbahn, Füllfeder, Speisezimmer, Feingefühl.** С другой стороны, не исключена возможность и оформления в форме сложного слова семантически самостоятельных частей, которые напоминают по содержанию части словосочетания, например: **Hammerschlag (Schlag mit dem Hammer), Hochzeitstag (Tag der Hochzeit), Blumenkranz (Kranz aus Blumen).**

Словосложение разнообразно по своим формам. Обычно между компонентами сложного слова существует определенная семантическая связь.

Чаще всего один из компонентов (первый) уточняет, конкретизирует значение второго: связь подчинительная. Таковы, например: отношения между компонентами сложных существительных: **Großstadt, Vaterland, Schreibtisch, Nebenzimmer.** Компоненты сложного слова могут быть также соединены по типу сочинения: **Elsaß-Lothringen, Wörterbuch,** и, наконец, составлять целое предложение.

Vergißmeinnicht, Stehaufmännchen

Отношения между сложными словами в немецком языке очень многообразны и не определяются наличием или отсутствием формальной близости сложного слова к словосочетанию. Так, например, многие сложные слова-сдвиги, компоненты которых застыли в определенной грамматической форме, сохранили флексию, в то же время явно переосмыслены и выражают единое понятие: **Krause-minze** – мята, **Altweibersommer** – бабье лето, **Springinsfeld** – ветрогон, **Blindekuh** – жмурки. С другой стороны, сложные слова с первым компонентом – основой, грамматически никак не оформленной, а также при наличии соединительного элемента, иногда близко сходятся по значению со словосочетанием, сравним: **Ministerrat Rat der Minister, Kolonialbesitzungen koloniale Besitzungen, Friedenskampf Kampf für den Frieden.**

Их части не изменили значения по сравнению со значением данных слов в самостоятельном употреблении.

Различие между сложным словом и устойчивым словосочетанием следует искать, прежде всего, в их фонетико-морфологическом оформлении. Члены устойчивых словосочетаний, в противовес частям сложного слова, сохраняют каждый как самостоятельное ударение, так и самостоятельные, не слившиеся в одно целое словообразующие основы с обычным для членов словосочетания грамматическим оформлением.

Устойчивые словосочетания не обладают оформлением слова, а сложные слова оформлены в виде слова даже тогда, когда по содержанию скорее соотносимы с разложимыми, чем с устойчивыми словосочетаниями.

Образования, представляющие по своей структуре переходную ступень от словосочетания к сложному слову, немецкие лингвисты обычно называют «сдвигами» (**Zusammenrückungen**). Сдвиги по оформлению и местоположению своих частей незначительно или почти ничем не отличаются от словосочетаний современного языка, но имеют уже единую словообразующую основу и обычно одно централизующее ударение.

К сдвигам относятся сложные существительные, первый компонент которых (прилагательное) оформлен флексией, хотя и застывшей, не изменяющейся при склонении, например: **Feinsliebchen**; сложные существительные, представляющие собой застывшее предложение: **Vergißmeinnicht, Rührmichnichtan**; сложные глаголы типа: **teilnehmen, achtgeben**; сложные прилагательные, первый компонент которых (наречие) конкретизирует значение второго: **dichtbelaubt**; наречия и предлоги, образовавшиеся путем слияния группы слов: **intfolge, geradenwegs**; числительные типа 21, 22.

Таким образом, часть сложных слов немецкого языка образуется из словосочетаний путем «застывания» последних в определенной форме, что в свою очередь, приводит к полному формальному слиянию их в одну лексическую единицу – слово, со всеми внешними признаками последнего.

Процесс такого образования сложных слов-сдвигов продолжается и по настоящее время. Из этого, однако, ни в коем случае нельзя сделать вывод, что

всякое сложное слово прошло путь от словосочетания, через застывание формы последнего – к слову.

Следует различать происхождение типа словообразовательной модели от происхождения самого слова.

Словообразовательные модели, утвердившиеся в языке, вошедшие в основной словарный фонд, обладают, как замечает академик Виноградов, «огромной силой семантического притяжения». Это значит, что по их образцу, по аналогии с их словообразовательной формой, создаются новые слова. Так, по образцу сложных слов различных типов (в том числе и сдвигов) создаются новые слова, минуя словосочетания, несмотря на то, что многие древнейшие модели возникли из свободных или несвободных словосочетаний. Известно, что словообразовательной моделью так называемых «неполносложных соединений» (*uneigentliche Zusammensetzungen*) с определителем-существительным в форме родительного падежа служили, действительно, генитивные словосочетания типа: (**ahd**) **wolfes-milch**, **hanin-fuoz**; (**mhd**) **sunnen-tac...**

Еще в средневерхненемецкую эпоху было возможно включение генитивного атрибута (без артикля) между артиклем и определяемым именем, например: **der sanges meister**, что и послужило основанием для перехода словосочетания данного типа в сложное слово.

Однако из этого не следует, что все сложные слова с определителем, оформленным в виде генетива, прошли тот же путь. По данному образцу создаются по настоящее время многочисленные сложные существительные, например, неологизмы типа: **Friedensmedaille**, **Patenbetrieb**, **Weltfriedensfront**, **Fredenslied**, хотя генетивные словосочетания уже давно приобрели другое оформление: существительное в родительном падеже следует обычно за определяемым словом и никогда не ставится между существительным и относящимся к нему артиклем, а генетивная флексия превратилась в словосложение в формальный соединительный элемент. Древнейшие соединения прилагательного с существительным в некоторых случаях также представляли собой застывшие в определенной форме словосочетания, поскольку несклоняемое прилагательное могло употребляться еще в средневерхненемецкую эпоху в качестве предыменного атрибута, например: **der guot man**. По этому же образцу в дальнейшем возникли и продолжают возникать многочисленные новые сложные слова, например: **Dunkelbier**, **Rohstoff**, **Sauerstoff**, **Neulehrer** и т.п.

Большое число сложных слов, независимо от их содержания, вообще не могут быть соотнесены со стороны их формы с какими-либо словосочетаниями в дошедших до нас памятниках, даже древнейших периодов развития немецкого языка. Таковы сложные слова, первой частью которых является именная основа, никак не оформленная, так называемые «полносложные соединения» (*eigentliche Zusammensetzungen*) типа: **Landmann**, **Vaterhaus**, **Eisenbahn**, **Waldblume**

Словообразовательные модели данного типа, не соответствуя по форме никакому словосочетанию, встречаются уже в глубокой древности, сравним

ahd:

thionost-man – Dienstmann
boum-garto – Baumgarten
fater-lôs – vaterlos
gart-brunno – Gartenbrunnen
gast-hûs – Herberge
gund-hamo – Kampfgewand
hant-zugiling – im Hause aufgezogenes Tier

Данный тип словосложения крайне продуктивен и в настоящее время, сравним неологизмы: **Fünfsjahrsplan, Hennekebewegung, Aufbauwerk, Weltfestspiele.**

Телегина И.Л. Динамика русскоязычных заимствований в языке британских газет как отражение изменения информационной картины мира

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Язык СМИ отражает происходящие в обществе процессы как непосредственно, обозначая, например, реалии, связанные с теми или иными актуальными для общества событиями, так и опосредованно, когда по происходящим в самом языке СМИ процессам можно делать выводы о тенденциях общественного развития. Информационная картина мира (далее ИКМ. – И.Т.), предоставляемая прессой, имеет в качестве исходного для себя пункта определенную концепцию действительности, присущую данному сообществу в целом, и практически во всех своих компонентах содержит те или иные ее слагаемые. Не только тематика, но и композиционно-стилевые особенности, и лексический состав материалов СМИ отражают происходящие в ИКМ изменения. Особенно примечательно это применительно к такой журналистике, которая считается ярким образцом стабильности, устойчивости, выдержанности в русле определенной традиции. Именно таковой является британская пресса, в первую очередь, качественная периодическая печать: она отличается приверженностью на протяжении многих десятилетий к определенному стилю, тематике, рубрикации, идеологии, в том числе принадлежностью к той или иной политической платформе. Речь идет о «Гардиан», «Индепендент», «Таймс» и «Телеграф». Данные газеты были выбраны нами как репрезентативные для британской прессы в целом. Во-первых, каждое из этих изданий имеет стабильную читательскую аудиторию, а значит, пользуется немалым влиянием на общественное и массовое сознание в Британии и, в свою очередь, отражает его состояние. Во-вторых, сайты этих газет - www.guardian.co.uk ; www.telegraph.co.uk ; www.timesonline.co.uk ; www.observer.co.uk – наиболее удобны для пользователя, т.е. имеют наилучшие характеристики в плане наличия необходимых для работы с материалами газет ссылок, способов классификации материалов – по датам, рубрикам, авторам, топикам (тематике), свободного, в т.ч. бесплатного, доступа к публикациям, помещавшимся в данных газетах на протяжении всего XX в. и мн.др. Охарактеризуем вкратце рассматриваемые нами издания.

«*The Guardian*» - либеральная газета, возникшая более 150 лет назад, которая освещает различные наиболее значимые стороны общественной жизни, во-первых, Великобритании, во-вторых, разных стран мира: внешне- и внутривнутриполитические проблемы, экономика, социум, образование, медицина, проблемы защиты окружающей среды, рецензии и отклики на события культурной жизни и т.д. Газета стремится быть политически независимой, но формально поддерживается Либеральной партией Британии. В плане доступности данных для статистического отслеживания материалов

интересующей нас тематики сайт газеты безупречен.

«*The Independent*» - газета основана в 1986 году, но быстро приобрела хорошую репутацию за отличные новостные репортажи, информационные комментарии и тонкое чувство юмора. На сайте размещены актуальные статьи с комментариями, но для того, чтобы их прочесть, нужно заплатить от 2 фунтов и больше, поэтому пользование сайтом очень ограниченное. К тому же данные приводятся «показательные», т.е. максимальное количество указываемых при первоначальном поиске ссылок – не более пятисот. Тем не менее мы сочли для себя возможным работать с электронной версией характеризуемой газеты, потому что, во-первых, вполне показательное само соотношение ссылок, во-вторых, хороший архив статей позволяет отслеживать достаточные для реализации нашей цели обзоры публикаций с содержащимися в них ключевыми словами – в данном случае русскоязычными заимствованиями.

«*The Telegraph*» основана в 1855 г. Это консервативная по своей политической ориентации газета - по названию Консервативной партии «Tory» ее называют «*The Torygraph*». Она чрезвычайно популярна у британских читателей: ее тираж в два раза превосходит «*The Guardian*», «*The Independent*» или «*The Times*». Считается, что «*The Telegraph*» освещает события, происходящие в мире, более объективно, нежели остальная качественная пресса; данных наших исследований пока недостаточно, чтобы подтвердить или опровергнуть это мнение. Электронная версия издания очень удобна для пользователя, хотя количество ссылок на материалы пяти- и более –летней давности ограничено.

«*The Times*» - газета, основанная в 1785 году, остается одной из наиболее востребованных и оказывает огромное влияние на умы людей по всем миру. Ее читают юристы, политики и бизнесмены, а также весь правительственный аппарат: это газета для людей из высшего эшелона власти. В то же время она популярна у самых широких кругов читателей, так как органично сочетает информативность и развлекательность. «*The Times*» не орган Консервативной партии: газета придерживается консервативных взглядов, но все время стремится к политической независимости.. Сайт газеты не совсем адекватен стоящим перед нами задачам, ибо при первоначальном поиске ключевых слов предоставляет данные лишь за последние три года; поэтому мы были вынуждены на первоначальном этапе ограничиться данными по этой газете за 2004 – 2006 гг.

Предметом нашего исследования стали рассматриваемые в диахроническом аспекте иноязычные – в частности, русскоязычные – заимствования (далее РЯЗ. – И.Т.) в языке английских газет, представляющих качественную прессу – *The Times*, *The Telegraph*, *The Guardian* и, в меньшей мере, *The Independent*. Мы подвергли контент-анализу ок. 600 текстов статей о России за 1998 – 2006 гг., используя электронные версии газет. «Контент-анализ (content analysis) - исследовательская техника для получения выводов путем анализа содержания документов о состояниях и свойствах действительности (в том числе источника текста сообщения и автора документа),

систематическая числовая обработка» (6, 328). На этапе выявления РЯЗ мы использовали неколичественный контент-анализ, а для получения статистических данных уже по конкретным РЯЗ - количественный. Неколичественный контент-анализ «основывается на использовании нечастотных моделей содержания текста. В данном случае исследователь фиксирует наличие определенного элемента в тексте, который рассматривается в качестве индикатора соответствующей категории содержания. Система единиц анализа состоит из индикаторов значений проявления признака объекта исследования. Единица анализа измеряет интенсивность проявления признака и его значения. В качестве таких единиц могут использоваться: понятия (знаки, термины, названия, имена, символы), темы, герои (характеры), ситуации, суждения, сообщения, действия» (6, 399).

Неколичественный контент-анализ помог выявить, какие РЯЗ встречаются в текстах британских газет и в каком контексте, какова их тематика, определить идеологическую направленность материалов, где употребляются РЯЗ, наконец, то, как влияет отношение к России на частоту и характер использования РЯЗ.

На данном этапе своего исследования мы ограничились гл. обр. рассмотрением лексики в тех материалах, которые содержат упоминание России и русских – слова *Russia* и *Russian* (последнее означает «русский» и «российский»; мы вынужденно пользуемся первым значением при переводе материалов на русский язык, ибо такова традиция самих англоязычных пользователей).

Кроме того, мы воспользовались методом количественного контент-анализа, призванным выявить «количественную структуру содержания текста на основании частоты и объема единиц исследования. Единица анализа должна легко идентифицироваться, и число таких единиц должно быть достаточным, чтобы у исследователя была возможность составить выборку и провести статистический анализ» (6, 398). С помощью ссылок на вводимые ключевые слова – отдельные РЯЗ – на сайтах газет мы смогли установить статистику (неполную) использования русскоязычной лексики в английских периодических изданиях и сделать некоторые выводы на основе статистических данных.

Рассмотрение РЯЗ на газетной полосе в качественной английской прессе в синхронии.

Как показал неколичественный контент-анализ, в статьях, где встречаются слова *Russia* и *Russian*, в целом, то есть на протяжении всего рассматриваемого нами периода – 1998 – 2006 гг. - РЯЗ наиболее часто представлены словами: *USSR* (СССР) (обычно в негативном контексте с выражениям “collapsed” (распался, погиб) и “former” (бывший)); *Soviet* (советский) (в т.ч. *Soviet Union*) (Советский Союз), нередко в составе словосочетаний *Soviet style* и *Soviet regime* (советский стиль и режим соответственно); *Communism/Communist*; *Tsar* (царь) и *KGB* (обычно в контексте с В.В.Путиным). Очень часты также упоминания реалий сталинской эпохи, среди которых лидирует слово *gulag(s)* – в форме множественного числа и строчными буквами (в русском языке понятие ГУЛАГ собирательное и обозначает **систему** исправительно-трудовых лагерей советских времен, т.е.

формы множественного числа иметь не может). Из наиболее употребительных в британской периодике реалий недавнего прошлого фигурируют *perestroika* и *glasnost*, современной российской жизни - слово *oligarch*. Последнее мы указываем именно как русскоязычное заимствование, несмотря на международный характер этого слова и этимологию из греческого языка, т.к. британские газеты в связи со словами *Russia* и *Russian* употребляют это слово исключительно в том значении, в каком оно бытует у нас. Английский толковый словарь приводит только значения слов *oligarchy* (олигархия) и *oligarchic* (олигархический), к тому же применительно к сугубо политической власти: для западного сообщества «наше» значение слова «олигарх» неактуально. Итак, *oligarchy*: 1. a country governed by a small group of people. Someone in this group is called oligarch. 2. the control of a country by a small group of people is called - oligarchic (Здесь и далее значения слов приводятся по толковому словарю английского языка: *Macmillan English Dictionary for advanced learners. International Student Edition. – Oxford, 2006*) (далее – ММ с указанием страницы).

Вне контекста слов *Russia* и *Russian* наиболее часто встречаются следующие РЯЗ: *vodka*, *intelligentsia* ('the people in a society who are the best educated and the most interested in art, science, literature etc at an advanced level') (ММ, 747), *babushka*, *dacha*, *apparatchik* (последнее – нередкий гость на газетной полосе «Гардиан» - печатного органа либерального крыла английского общества, посвящающего значительную часть своих материалов внутрипартийной жизни либералов и лейбористов).

Некоторые из обозначающих российские реалии понятий также появляются в одном с Россией и «русскими» (*Russian*) контексте, но обычно или временно и периодически, на протяжении обсуждения в прессе определенной темы российской жизни (*migalki*, *chinovniki*; *Gazprom*; *Mir Space station*), или только в текстах определенной жанровой направленности – таковы, в основном, РЯЗ этнографической тематики: *borshch* (*borsht*) и *shchi*, *syrniki*, *bliny*, *balalaika*, *steppe* ...

Наиболее часто употребляемые в британских газетах русскоязычные заимствования:

1) в том случае, когда они включены в словари английского языка, обычно подвергаются переосмыслению по сравнению со своими словарными значениями. Это относится к РЯЗ, обозначающим российские реалии современной жизни или из области культуры. Кроме слова *oligarch* укажем, напр., *apparatchik*. Толковый словарь английского языка приводит следующее значение этого РЯ слова: *someone who works in an organization, especially a political party or large company, but is considered to have no views or beliefs of their own* (ММ, 54) (человек, который работает в организации, особенно в политической партии или в большой компании, но сам не имеет собственных взглядов и убеждений на этот счет – здесь и далее перевод наш). Отметим кстати, что значение этого слова в английском языке явно претерпело влияние русской культуры с ее стремлением оценивать все явления общественной жизни с нравственной точки зрения. «В целом ряде русских слов и выражений

отражается тенденция осуждать других людей в своей речи, высказывать абсолютные моральные суждения и связывать моральные суждения с эмоциями /.../» (2, 17), - пишет выдающийся лингвист А.Вежбицкая. В частности, русской культуре присуща потребность во всем, приверженном системе, усматривать ущербность для нравственности, и это проявилось в том, с какой коннотацией слово «аппаратчик» было усвоено английским языком. Британские журналисты, однако, употребляют это слово не совсем так, как отражено в словаре, а безоценочно, нейтрально – как в контексте со словами *Russia* и *Russian*, так и вне его. Наиболее часто говорится о функционерах либеральной или лейбористской партий и о Слободане Милошевиче. Применительно к последнему тональность словоупотребления, как ни странно, скорее положительная: безобидный *apparatchik* (в оппозиции, напр., со словом «политик» - личность сильная, с большими возможностями влиять на ход событий, а потому небезопасная для человечества) превратился в крупную политическую фигуру на международной арене и инициировал бойню с многочисленными жертвами...

Слово *dacha*, определяемое через локальную – российскую – специфику: ‘a house in the countryside in Russia that someone lives in at weekends or during holidays’ (ММ, 346) в британских газетах в некоторых случаях употребляется вне российского контекста и без пояснения его значения. Это также характерно для либеральной «Гардиан».

Требует поправки то значение слова *blini* (*bliny*), которое приводится в словаре: ‘a Russian food that is like a thin flat bread made from BUCKWHEAT and is often eaten with CAVIAR and SOUR CREAM’ (ММ, 134) (русская еда, подобие тонкого плоского хлеба из гречихи, который часто едят с икрой и сметаной). Помимо фактической ошибки это определение содержит устаревшие сведения о наиболее распространенной начинке блина. К чести английских журналистов, описывая реалии современной российской действительности, они не идут на поводу у стереотипа и не указывают икру как неизменный атрибут поедания блинов (чего не скажешь о других стереотипных, но ложных сведениях о России, перекочевывающих в английской прессе из одной статьи в другую): лишь в одной статье, намекая на излишества русских в еде, в связи с *bliny* упоминается *caviar*.

Слова *perestroika* и *glasnost* английскими журналистами используются обычно в связи с М.С.Горбачевым и проводившимся им в России в конце 1980-х – сер. 1990-х гг. курсом. Толковый словарь английского языка слово *perestroika* так и комментирует: ‘the policy of political and economic change that President Michail Gorbachev introduced in the Soviet Union in the 1980s’.

Что касается второго РЯЗ эпохи Горбачева, *glasnost*, то этот же словарь приводит следующее, частично устаревшее, частично одностороннее толкование данных слов: ‘an attempt to introduce a more open and democratic political system, especially in the 1980s in the Soviet Union’. Напр.: *But the Cold War ended with Glasnost in the Soviet Union, not because of protests in Great Britain.* (Education: Greenham Common 25 years on. What do people think of Greenham? What did the Greenham women's protest achieve, and what difference, if

any, did it make to the outcome of the Cold War?// [Guardian Unlimited, 2003](#)) (Холодная война закончилась благодаря Гласности в Советском Союзе...).

Исключением в этом ряду может считаться случай использования слова *glasnost* по отношению к ставкам на лошадиных бегах и связанному с этим закулисю: *Bottom line - this puzzle was solvable. Those of us who lost are better off learning the lessons than expecting more glasnost from the training fraternity. (The Betting Week. No need for punters to rely on trainer talk// [The Guardian, Thursday September 21, 2006](#))* (Те из нас, кто проиграл, должны бы лучше усвоить урок, нежели ожидать большей гласности от братства дрессировщиков);

2) обозначающие явления из отдаленного прошлого России, обычно употребляются в английских газетах в своем основном, т.е. словарном, значении. Напр.: *tsar (czar) – ‘a man, who ruled Russia before 1917’. czar – ‘another spelling of tsar’*.

Эти слова интересны главным образом с лингвистической точки зрения. Так, слово *pogrom* ('an occasion in which a large group of people are killed according to an official plan because of their race or religion, esp. Jews in Russia in the 19th cent. and early 20th cent.' (ММ, 1087) во множественном числе употребляется в английских газетах с русским окончанием: *pogromy*, несмотря на то, что является полноправным элементом английского языка. В слове *Politburo* ('the main committee of a Communist Party that is responsible for making policy' (ММ, 1090)) второй корень – *buro* (бюро) – пишется отлично от английской версии слова «бюро»: *bureau*. РЯЗ *tsarina, czarina* (1. 'a woman who ruled Russia before 1917'. 2. 'the wife of the tsar'. *czarina - another spelling of tsarina*) – «царица» - образуется с иным, нежели в исходном слове, суффиксом – по аналогии с другим РЯЗ – *ballerina*, используемым, к слову, британскими журналистами наиболее часто в 1990-е гг. (англо-русские словари приводят традиционную версию английского перевода для слова «балерина»: a ballet-dancer);

3) встречаются, как правило, в т.наз. текстах группы *feature* - жанре, выделяемом исследователями англоязычной прессы в противопоставлении его информационному, информационно-аналитическому жанрам и рекламе. «В отличие от новостей, которые освещают устойчивый список медиа-топиков со стороны событийной, фактологической (... “hard news”), тексты группы *feature* делают акцент на факторе человеческого интереса, на индивидуально-авторском видении той или иной проблемы» (6, 143). «/.../ К текстам группы *feature* относится достаточно широкий круг медиа материалов ... - многочисленные статьи различной протяженности на самые разнообразные темы /.../ существенным признаком *feature* текстов является их тематическая привязанность плюс специальное освещение той или иной темы» (там же). Что касается информационных жанров, то появление РЯЗ в них чрезвычайно редко и связано обычно с очень узкой, привязанной к актуальной на определенный момент тематике: в конце 1990-х гг. это были названия космических объектов типа *Mir, Znamya, Energiya*; в начале 2000-х – *Sibneft', Gazprom, Yukos, Rusal, etc.* Рекламные материалы, а также рубрика *Travels* («Путешествия»), носящая полурекламный характер, содержат РЯЗ, связанные тематически с

этнографическими реалиями: в 1990-х гг. это были, гл.обр., названия культурных артефактов (*samovar, medved', troika, izba*, памятников культуры на территории России) и блюд русской кухни; в 2000 – 2006 – пору охлаждения отношений между Англией и Россией – названия блюд и имена собственные – географические реалии.

Диахронический подход к изучению РЯЗ на газетной полосе в качественной английской прессе

При исследовании ок. 600 текстов статей с упоминанием слов *Russia* и *Russian* за 1998 – 2006 гг. электронных версиях 4-х английских газет выявлены следующие закономерности.

1) По тональности, по экспрессивно-эмоциональной окрашенности статьи о России или с ее упоминанием довольно существенно различаются в т.наз. «допутинский» (1998-99 гг.) и «путинский» (с 2000 г.) периоды. Особый интерес в плане использования английскими газетами РЯЗ применительно к смене политического курса Российского государства представляет немотивированное с точки зрения норм русского языка и с фактической точки зрения употребление притяжательного прилагательного *Putin's: Putin's Russia ... chinovniki ... apparatchiki, etc.* Естественный для английского языка способ маркировки явлений и событий посредством связывания их с определенной личностью и стоящей за этой личностью идеологией и т.п. в контексте РЯЗ выглядит нарочитым, тенденциозным выпячиванием тех связей, которых россиянин в действительности не усматривает. С личностью второго российского президента связано и гораздо более частое, чем в 1990-е гг., употребление РЯ аббревиатуры *KGB*: для британских журналистов очень важно то, что российский Президент был – а для них и остается - связан с этой организацией.

2) Озабоченность британского сообщества судьбами российской демократии отражает эволюция РЯЗ и их окрашенности в английских газетах. Напр., слово *Duma* гораздо чаще встречалось на страницах британских газет в 1990-х гг., нежели в 2000-х, причем в более позитивном контексте: *The left can no longer dominate the duma, which represents progress, and will have to seek an alliance with (...) (Russia's new government: what the papers said//Guardian Unlimited, Wednesday December 22 1999)* («Левые больше не смогут доминировать в Думе, которая знаменует прогресс...»). Очевидно, пропорционально тому, как изменялась роль Думы и народных депутатов на протяжении исследуемого нами периода.

В 2006 г., для сравнения, контекст для этого слова составляют резко негативно окрашенные слова *the harshness of Russian law* (резкость; грубость; жестокость российского закона) */.../ when he began to buy up deputies in the Duma (Mixed verdict, Guardian, Thursday June 2 2005); a sin /.../ the presidency of Vladimir Putin - its slow erosion of democratic freedoms, its savage disregard for the individual /.../ the battered Russian people deserve something better (How I learned to love Vlad// Guardian, Monday July 31 2006)*. С торговлей – джинсами и политикой – связывает начало выборов в Думу журналист «Гардиан» в статье: *Kremlin party sets up its stall* (Кремлевская партия устанавливает свой ларек

(прилавок, киоск) – отметим, что это значение – лишь 3-е у слова *stall*, и ему предшествуют: 1. стойло. 2. конюшня, хлев. (Правда, следует за ним: 4. партер – но осадок-то остался!) (*Guardian, Friday August 25, 2006*). И т.д.

2) В 1998 – 99 гг. РЯЗ представлены на газетной полосе широко и разнообразно независимо от идейно-политической направленности издания. Основная доля их – понятия из этнографической сферы, которые калькируются и затем поясняются для британского читателя: *with the common greeting "Zdrastvuite!", medved', nyet; sable (coats), bliny и borscht, vareniki, shchi, syrniki, etc.* При упоминании водки – безусловного лидера среди фигурирующих в текстах британских газет РЯЗ - уточняется марка: *zubrovka, Stolichnaya*; как атрибут застолья упоминаются порой *zakouski with vodka*. Весьма охотно в этот период используют авторы и названия реалий русской культуры (*ballerina* (ММ, р. 93)) и, в меньшей степени, науки – гл.обр., космонавтики: *Mir, the Energia firm, the Spektr module, Znamya*. Все это говорит о в целом доброжелательном отношении британского сообщества к российской культуре и желании познакомить с отдельными ее явлениями английского читателя. Перечисление и подробное наименование культурных реалий преследует отчасти рекламно-пропагандистскую функцию: корреспондент побуждает своих читателей разделить с ним радость открытия страны, на десятилетия закрытой «Железным занавесом».

Что касается заимствований на общественно-политическую или социальную тематику, то исследованные нами газеты единодушны в использовании таких РЯЗ, как *Communism, Communist, USSR, Soviet*. В остальном доля упоминаний и содержание РЯ понятий существенно различаются в зависимости от политической принадлежности издания. Либеральная «*The Guardian*» наиболее часто, по сравнению с остальными, в рассматриваемый период – 1998 – 99 гг. - упоминает реалии, связанные с репрессивной стороной функционирования Советского Союза: *GULAG, gulag, gulags; KGB*. Нередко встречаются РЯЗ, отражающие политическую жизнь молодого Советского государства: *Bolshevism, Leninist, chistka, pogrom, etc.*, а также элементы советского госаппарата: *apparatchik, Politburo, Sovietism*. Консервативные «*The Times*» и «*The Telegraph*» гораздо чаще упоминают слова *Soviet Union* и *USSR*, причем в контексте с выражениями *collapsed, have broken, etc.*, с удовлетворением констатируя тем самым, что бывшая мировая держава разлетелась на осколки и обломки. Чаще, чем «Гардиан», консервативные издания упоминают РЯ слова, обозначающие реалии из более отдаленного, дореволюционного, прошлого: *Tzar, Tzarist*. Кроме того, журналисты этих газет более склонны обобщать: применительно к России и странам СНГ часты выражения *Soviet-era, Soviet style, Soviet block*. То есть консервативный характер влияет на трактовку тех или иных событий российского прошлого, что отражается в языке, в частности, в РЯЗ.

В этот период наиболее часто английские журналисты используют такие заимствованные из русского языка слова, которые не входят в академические словари английского языка. То есть лексика британских газет характеризуется большей динамичностью и открытостью для РЯ влияния.

3) В 2000 – 2006 гг. характер РЯЗ заметно меняется: этнографические реалии упоминаются гораздо реже, гл. обр., в статьях о самой России, в целом отмеченных недоброжелательностью тона повествования. Теперь доминирует не любознательно-заинтересованное отношение к российской «экзотике», а отстраненно-отчужденное. Так, РЯЗ *babushka* и *dacha*, значение которых в статьях до 2000 г. охотно разъяснялось британскому читателю, приводятся без «этнографического» комментария, а отстраненно-иронически. Ср., напр. завлечение на тур по Транссибирской магистрали весьма сомнительной и довольно издевательской «рекламой»: *There's no greater rail adventure; gauleiter-like carriage attendants; boring wastelands; it's still incredibly romantic; your companions will be ordinary folk: Russian babushkas, Chinese students and Mongolian merchants* (Более великого железнодорожного приключения и быть не может; проводники в гауляйтерском вагоне; скучные безлюдные пейзажи; это все же неимоверно романтично; вашими спутниками будут простые люди из простонародья: русские бабушки, китайские студенты, монгольские торговцы) (*20 journeys of a lifetime. Why stop in one place when a fantastic journey can be the holiday itself?* // *The Observer*, Sunday January 11, 2004).

На передний план во всех рассматриваемых газетах выходит общественно-политическая лексика: *Soviet, KGB (FSB)* (самый высокий процент употребления – в материалах, посвященных делу об отравлении А.Литвиненко), *oligarch*; часто встречаются названия реалий, связанных с внешнеэкономической жизнью РФ: *Gazprom, Sibneft', Lukoil*. Новые заимствования типа 'migalki' или редкие в «допутинский» период – 'chinovniki' – характеризуют не столько интерес к реалиям российской жизни, сколько стремление отражать темы, затрагиваемые в российском обществе, то есть носят скорее вынужденный характер.

4) По сравнению с концом 1990-х гг. растет процент упоминания реалий советского прошлого, нередко в контексте с выражениями *Iron Curtain* и *Cold War*. Испытывая страх перед «путинской» Россией, британское сообщество пытается объяснить, а значит, и выразить соответствующей общественно-политической лексикой загадочное для него настоящее России хорошо знакомыми по многолетнему периоду Холодной войны понятиями.

Т. обр., как показали оба вида контент-анализа – неколичественный и количественный, - на степень представленности в британской прессе и на качество заимствованной лексики влияет отношение британского сообщества в целом к стране, из языка которой лексика заимствуется. Чем отношение доброжелательнее, тем более журналисты склонны к дословной цитации иноязычной культуры и к разъяснению содержания заимствованных понятий. Напротив, тенденция к использованию РЯЗ, отражающих реалии советского прошлого, характеризует стремление английских журналистов, а вместе с ними и британского сообщества воспринимать происходящие в России последних лет события клишированно, стереотипизированно, в русле традиции десятилетиями ведшейся Холодной войны.

Наиболее часто РЯЗ встречаются на страницах «*The Guardian*» - очевидно, в силу ее либерализма открытой для внешнего мира, для отражения

международных отношений и межкультурной коммуникации. Используемые журналистами этого издания РЯЗ чаще, чем в других английских газетах, носят универсальный характер, то есть лишены привязки именно к России и русским. В то же время это издание наиболее непримиримо в отношении к тем преобразованиям российского общества, которые Европа может наблюдать в 2000-е гг., о чем свидетельствует контекст многих РЯЗ на газетной полосе этого издания.

Консервативная «*The Times*», очевидно, сообразно тому, какое место начинают русские занимать в британском истеблишменте, из года в год увеличивает количество материалов на тему России; на частотности употребления ее журналистами слов, заимствованных из русского языка, это, однако, почти не сказывается. Исключение составляет слово *oligarch* в том его значении, какое оно приобрело в современной России: на страницах «*The Times*» это слово лидирует по количеству упоминаний по сравнению с другими британскими газетами: >1977 упоминаний – ср. 274 («Гардиан»), 192 («Индепендент») или 307 («Телеграф») в 2006 г. Т. е. редакционная политика этой газеты частично может быть выражена русской пословицей: «Своя рубашка ближе к телу». Чем больше в Англии становится олигархов, тем охотнее пишет о них старейшая газета Британии – что особенно заметно на фоне остальных качественных периодических изданий.

При этом вне контекста понятий *Soviet Union, Soviet, USSR, KGB, GULAG* слова *Russia* и *Russian* в материалах «Таймс» встречаются гораздо реже, чем в статьях других периодических изданий: 1102 и 1289 против, например, 16741/15605 в Интернет-версии «*The Guardian*» или 9561/10090 у консервативной «*The Telegraph*». То есть консерватизм издания подтверждается наличием «консервативного» же контекста для России на его страницах.

Курьезно часто упоминается в британских газетах такое заимствованное из русского языка слово, как *tsar /tzar* – правда, контекст его шире, нежели освещение только российской действительности: порой это метафоры, устойчивые сочетания.

KGB втрое чаще упоминается в либеральной «*The Guardian*», нежели в сравнительно нейтральном по политической окраске «*The Independent*», вдвое – нежели в «*The Telegraph*» и примерно в пять раз чаще, чем в «*The Times*» (1044 раза против 331, 545 и 58 (за 2006 год) соответственно). То же – с упоминанием слова *GULAG* (которое, впрочем, никто в британских газетах не пишет правильно). Консерватизм, присущий «*The Times*», а значит, охранительные тенденции в идеологии, позволяют журналистам этого издания огибать явления подобного рода более плавно: 508 («Гардиан») – 150 («Индепендент») – 236 («Телеграф») – 22 («Таймс» за 2006 год) ссылок на ГУЛАГ соответственно.

Примечательно, что в сознании британских газетчиков международное слово *oligarch* соединяется исключительно с Россией: практически всегда оно находится в одном контексте со словами *Russia/ Russian*. Напр., в «*The Independent*» из 192 упоминаний этого слова 190 раз оно оказывается в том же контексте, что и *Russia/ Russian*. А на 300 упоминаний *oligarch* в «*The Telegraph*» вне вышеуказанного контекста мы встречаем 233/366 случаев

употребления слова *oligarch* в контексте с *Russia/ Russian*, т.е. вдвое больше.

Следующий этап нашего исследования предполагает расширение границ контент-анализа: количественного - накопление статистических данных как по изданиям, так и по словам – русскоязычным заимствованиям на страницах британских газет, и качественного: анализ контекста для слов, заимствованных британским сообществом из русского языка. Это позволит более полно показать отражение идейно-политической и, шире, идеологической платформы газеты в языке, а также, опосредованно через прессу, исследовать отдельные стороны британского менталитета.

Литература

1. <http://www.guardian.co.uk/>; <http://www.telegraph.co.uk>;
<http://www.timesonline.co.uk>; <http://www.observer.co.uk>.
2. Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Ворошилов В.В. Основы журналистики. М.: «Просвещение», 2005.
4. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
5. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. - М. - «Юнити». - 2005
6. Корконосенко С.Г. Политология журналистики. – СПб. – «Знание». – 2000
7. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
8. Чтение прессы на английском языке/ Сост.: Н.В.Рябова. – М.: СГУ, 2004. – 148 с.
9. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол. фак., отв.ред. Володина М.Н. – М., 2003. – 460 с.
10. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол. фак., отв.ред. Володина М.Н. – М., 2004. - Ч. 2. – 416 с.
11. Язык современной публицистики: сб. статей/ сост. Г.Я.Солганик. – М.: Флинта: Наука: 2005. – 232 с.

Турлова Е.В. Лингвокультурологический аспект названий англоязычных учебных заведений

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Наиболее значимыми явлениями XXI века можно назвать многоаспектное сближение стран и народов, становление единого взаимозависимого мира, в рамках которого расширяются экономические, политические и культурные связи между странами.

В данных условиях изменяется само общество. Оно становится поликультурным, для которого характерно как развитие ряда универсальных, глобальных характеристик, так и сохранение самобытности культуры каждой отдельно взятой этнической группы.

Для совершенствования учебного процесса, активизации познавательной деятельности учащихся, а, следовательно, и повышения мотивации учения, современная наука о языке совместно с методикой обучения иностранным языкам продолжает поиск более эффективных приемов работы, новых методов и подходов в обучении им. Необходимо помочь обучаемому интериоризировать содержание иностранной культуры, освоить правила вербального и невербального общения, употребления языковых единиц и грамматических структур, принятых в изучаемом языке.

Успех того или иного учебного издания зависит от того, насколько полно выявляются и используются заложенные в тексте, а также названии учебника мотивирующие возможности, которые реализуют тот или иной концепт данной лингвокультурной общности. Учебник призван заинтересовать, активизировать и стимулировать учащихся в обучении иностранному языку.

Следует признать, что проблема выбора средств обучения, а именно учебников и учебных пособий является одной из самых важных и насущных в обучении иностранным языкам.

Успешная реализация данных условий обуславливает необходимость поиска оптимальных методов ознакомления студентов с культурой и особенностями национального менталитета носителей изучаемого иностранного языка. Необходимым в данной связи является исследование концептосфер родного и изучаемого языков, что предполагает привлечение категорий психолингвистики и лингвокультурологии.

Говоря о культурологическом изучении язык, лингвисты имеют в виду анализ языковых явлений, направленных на выявление национально-культурной специфики [Вежбицкая, 1999; Прохоров, 1996; Маслова, 1997; Воробьев, 1997]. Основными категориями лингвокультурологии являются такие понятия как картина мира и концепт. Концептуальные исследования успешно развивались и развиваются в трудах отечественных и зарубежных исследователей, таких как: J. Fodor, R. Jackendoff, A. Paivio, G. Lakoff, M. Johnson, S. Kosslyn, J. Taylor, Р. И. Павиленис, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов.

Картина мира представляет собой «сложную систему образов,

отражающую действительность в коллективном сознании». [Карасик, 2004].

Понятие «концепт» происходит от латинского *conceptus* - «мысль», «понятие». В науке о языке термин «концепт», получает неоднозначную трактовку. С одной стороны, концепты соотносятся с понятиями. В этой трактовке понятие интерпретируется как «явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение - в системе языка» [БЭС Языкознание, 1998].

Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Концепт существует в коллективном сознании и «опредмечивается» в той или иной языковой форме. Культурный концепт — это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны». [Карасик, 2004]

Совокупность концептов определенного языка представляет собой концептосферу данного языка, где «язык является неким концентратом культуры нации и ее воплощением в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [Лихачев, 1983]. Концептосфера языка включает универсальные, общечеловеческие и специфические, национальные концепты.

Концепты, отражающие специфику той или иной культуры, называются лингвокультурологическими. Без постижения содержания таких концептов понимание иноязычного текста опирается лишь на знание системы языка как лингвистического феномена, а, следовательно, не является адекватным. Без знания содержания лингвокультурологических концептов не происходит интериоризация смыслов, представленных в тексте.

Осознание концепта как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя определенного языка, но и воссоздать его этнокультурный образ мира, так как концепты можно представить как своего рода ячейку культуры в ментальном мире человека.

Концептуальный анализ названий учебных пособий позволяет выявить те мировоззренческие постулаты, которые реализуются по средствам текста учебника. Описать и понять культуру возможно через описание системы культурно значимых текстов. Текст учебника является своеобразной ячейкой культуры, своеобразным воплощением английской языковой картины мира. В тексте система концептов воплощается в виде системы ключевых понятий и образов. В реальности и в культуре система концептов коррелирует с системой культурно значимых фактов, объектов и явлений. Таким образом, система концептов — это ключ к пониманию культуры, отраженного в тексте учебного пособия, поэтому концептуальный анализ должен опираться, прежде всего, на языковые данные, а также данные текста и лексики текста.

Названия англоязычных учебных пособий представляют собой обобщенную модель, совокупный образ языка. Именно этот язык обогащает и развивает современного человека, служит образцом речевой культуры, речевого поведения.

Лингвокультурный концепт обретает статус объекта лингвистического анализа именно благодаря значимостной составляющей [Воркачев, 2002]. Природа лингвокультурного концепта предполагает его закрепленность за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта. Связь концепта с вербальными средствами выражения отмечается практически во всех лингвокультурологических определениях (ср.: «знаменательный (сигнификативный) образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове» [Нерознак, 1998]; «любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин, 1999])

В проекции на лексическую систему современного английского языка концепт «язык» представлен лексемами *language*, *tongue* и *speech*. [Полиниченко, 2004].

В корпусе названий англоязычных учебных пособий лексема *language* в базовом значении концепта встречается в 30% случаях употребления, без каких-либо уточняющих определений:

About Language, J. Gilbert, Cambridge, 2003

Language in Use, A. Brodhead, Cambridge, 2003

Testing Spoken Language, F. O'Hara, Cambridge, 2003

Language Transfer, A. Young, Cambridge, 2003

Лексема *speech* в названиях англоязычных учебных пособий в базовом значении концепта встречается редко (0,1%) и скорее связана с произносительным компонентом речи:

Clear Speech, P. Riley, Cambridge, 2003

Clear Speech from the Start, L. Jones, Cambridge, 2003

Лексема *tongue* в названиях англоязычных учебных пособий в ходе анализа нами не обнаружена.

Таким образом, концепт «язык», относящийся к лингвокультурным концептам, проявляется в семантическом содержании средств его объективации в названиях англоязычных учебных пособий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М., 1999.
4. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115-124.
5. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная

личность // Филология. Краснодар, 1994. № 3. С. 2-7.

6. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск. 1996. С. 3–16.

7. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.

8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1983. Т. 52, №1. С. 3–9.

9. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.

10.Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 80–85.

11.Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

12.Полиниченко Д.Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт: Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 22 с.

Хрущева О.А. Гибридные образования в системе телескопических сокращений

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Классификация сокращенных наименований на протяжении долгих лет представляет предмет споров многих исследователей. Существует значительное число классификаций сокращений, построенных на различных принципах.

Т.И. Арбекова подразделяет аббревиатуры на простые и сложные. Простые аббревиатуры образуются путем отбрасывания конечного или начального слогов основы. Например, caps (capital letters), ad (advertisement), demo (demonstration). Сложные аббревиатуры (сложносокращенные слова) образуются действием аббревиации и основосложения и состоят из начальных букв или слогов слов и основ или из сочетания их с полными основами. например, CND (Campaign for Nuclear Disarmament); Interpol (International police); V-Day (Victory Day) /2, 46-47/.

И.Б. Аристов указывает на существование трех видов сокращений: буквенных сокращений, слоговых сокращений, усеченных слов /3, 156-158/. Буквенные сокращения образуются из начальных букв сокращенных слов и словосочетаний; например, p – page - страница, e.m.f. – electromotive force – электродвижущая сила, UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization - ЮНЕСКО, a.m. – ante meridiem – до полудня, H-bomb – Hydrogen bomb – водородная бомба. Слоговые сокращения возникают из начальных слогов компонентов словосочетаний; например, warcor – war correspondent – военный корреспондент, Bomron – Bomber squadron - эскадрилья бомбардировочной авиации. В группе усеченных слов И.Б. Аристов различает усечения начальной части слова (chute – parachute - парашют), конечной части слова (fig. – figure - рисунок, чертеж), средней части слова (Ru – railway - железная дорога), отдельных элементов слова (hb – hemoglobin - гемоглобин).

Слепович В.С. рассматривает два основных вида сокращенных лексических единиц: аббревиатуры, то есть сокращения, произносимые по буквам (PC – personal computer – персональный компьютер), и акронимы, то есть сокращения, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов (FORTRAN – Formula Translation - Фортран) /6, 27/.

И.В. Арнольд по формальному признаку разбивает сокращения слов на три типа: афрезис – усечение начала слова (sample - example - пример), синкопу – усечение середины слова (mart – market - рынок), апокопу – усечение конца слова (ad – advertisement - реклама). Кроме того, И.В. Арнольд выделяет инициальный тип аббревиатур, то есть сокращений, состоящих из начальных букв; например, TV – television – телевизор; assn – association - ассоциация. Редким типом словообразования, по мнению исследователя, является стяжение

или контаминация; например, automobile+cavalcade=autocade /4, 177-185/.

Н.Н. Амосова подчеркивает распространенность в языке следующих типов аббревиатур: слоговых сокращений, сложносокращенных слов, сокращений устойчивых назывных словосочетаний и слов-спаек. /1, 89-90/. Сокращения устойчивых назывных словосочетаний признаются исследователем особым типом аббревиации и создаются в результате опущения одного из составляющих их компонентов. При этом может сохраняться либо определение (fighter – fighter plane - истребитель), либо определяемое (tennis – lawn tennis - теннис).

О.С. Ахманова различает аббревиатуры буквенные (alphabetic acronym), образованные из алфавитных названий начальных букв исходного словосочетания; аббревиатуры буквенно-звуковые (alphabetic-phonetic acronym), сочетающие буквенный и звуковой типы; звуковые аббревиатуры (phonetic acronym), образованные из начальных букв элементов исходного словосочетания, но читаемые не по алфавитным названиям букв, а как обычное слово /5, 27/.

Общепринятым стало разделение всех сокращений на графические и лексические, этой точки зрения придерживаются такие исследователи как Р.С. Гинзбург, В.В. Борисов, Т.И. Арбекова, И.В. Арнольд. Кроме того, большинство лингвистов, несмотря на вариативность терминологии, выделяют в качестве основных, следующие виды сокращений: акронимы, аббревиатуры, усечения и телескопизмы.

Каждый из выделенных типов сокращенных наименований обладает характерными отличительными чертами и признаками (см. Таблица 1-5). Сокращения различаются по следующим параметрам: произношение и написание, структура исходной формы и степень ее усечения, уровень интеграции сокращенных компонентов, а также преимущественная сфера использования сокращенной единицы.

Таблица 1

Акронимы (laser, radar)	
Параметры	Характерные черты
Произношение	произносится как общеупотребительное слово
Степень усечения	максимальная (1-2 инициальных единицы от слова)
Уровень интеграции	средний
Структура исходной формы	фраза
Орфография	пишется строчными буквами

Сфера использования	разговорная, письменная речь
---------------------	------------------------------

Таблица 2

Аббревиатуры (BBC)	
Параметры	Характерные черты
Произношение	произносится побуквенно
Степень усечения	максимальная (1 инициальная единица от слова)
Уровень интеграции	низкий
Структура исходной формы	фраза
Орфография	пишутся заглавными буквами
Сфера использования	разговорная, письменная речь

Таблица 3

Графические сокращения (Dr., Mon.)	
Параметры	Характерные черты
Произношение	произносится как полное несокращенное наименование
Степень усечения	варьируется
Уровень интеграции	-----
Структура исходной формы	Фраза, слово
Орфография	пишутся строчными буквами, либо в сочетании с заглавными буквами
Сфера использования	письменная речь

Таблица 4

Усечения (lab, phone)	
Параметры	Характерные черты
Произношение	произносится как общеупотребительное слово
Степень усечения	средняя (слог, несколько букв)

Уровень интеграции	-----
Структура исходной формы	слово
Орфография	пишутся строчными буквами
Сфера использования	разговорная, письменная речь

Таблица 5

Телескопизмы (motel, brunch)	
Параметры	Характерные черты
Произношение	произносится как общеупотребительное слово
Степень усечения	средняя
Уровень интеграции	от среднего до высокого
Структура исходной формы	два-три слова
Орфография	пишутся строчными буквами
Сфера использования	разговорная, письменная речь

Однако, несмотря на наличие четких отличительных признаков, сокращенные наименования отнюдь не представляют собой изолированных друг от друга групп; они взаимодействуют между собой, характерные признаки перекрещиваются, и в результате происходит образование гибридных единиц. Рассмотрим данный процесс на примере телескопических наименований, среди которых можно выделить следующие случаи взаимодействия:

1. телескопизмы-акронимы-инициальные аббревиатуры

как было указано в Таблице 1 для структуры акронимов характерно наличие одной или нескольких инициальных букв от исходного наименования (максимальная степень усечения), что также типично для инициальной аббревиации; но наряду с данным способом усечения, акронимы допускают присутствие в своей структуре так называемых «осколков» слогов и иных составляющих исходной формы, что в большей степени присуще телескопическим единицам. Кроме того, подобно блендинговым наименованиям, «осколки» могут демонстрировать различный уровень звуковой интеграции.

Таким образом, мы имеем полное право, классифицировать подобного рода единицы в качестве гибридных, в связи с тем, что инициальные сегменты их структуры проявляют черты акронимов, а усеченные сегменты

демонстрируют сходство с телескопизмами.

Например, COCOSEERS – Coordinating Committee for Slavic and East European library Resources; IMARSAT – International Maritime Satellite.

2. телескопизмы-графические сокращения

в данной группе единиц можно выделить два случая взаимодействия.

а) гибриды, объединяющие в себе черты графических и телескопических сокращений, которые воспринимаются как аббревиатуры и читаются подобно телескопизмам. Написание подобных единиц варьируется, что сближает их с графическими наименованиями. Элементы сокращенной единицы часто разделены пробелами, причем каждый из них произносится отдельно и обладает собственным ударением.

Например, Dip Ed – Diploma in Education (читается как /dip ed/); loc cit – (Latin) loco citato (читается как /lok sit/).

б) гибриды, объединяющие в себе черты графических и телескопических сокращений, представляя собой сочетание инициальной аббревиации и усечения в структурном плане, и сохраняя независимость элементов в плане произношения.

Например, Bed – Bachelor of Education; MPhil – Master of Philosophy.

Кроме того, в данную подгруппу можно также включить единицу, воспринимаемую как гибриды блендингового и графического сокращения; это форма Ms, используемая вместо Miss и Mrs. Данная единица внешне напоминает графическое сокращение, но произносится как обычное общеупотребительное слово - /miz/, либо /mɛz/, что по сути является звуковым блендингом исходных форм Miss /mis/ и Mrs /misiz/.

3. телескопизмы-усечения

к данному типу относятся единицы, обладающие чертами усеченных и блендинговых наименований и состоящие из полноосновных самостоятельных элементов и «осколков», соединенных при помощи простого сцепления.

Например, Ofgas – Office of Gas Supply; arcsec – arc second.

Как известно, сокращенные лексические единицы в большинстве случаев возникают стихийно, создаются для удобства пользователей и потому зачастую понятны лишь ограниченному кругу лиц. В связи с этим легко объяснить тот факт, что сокращения редко отвечают всем требованиям, предъявляемым к единицам того или иного типа. Именно поэтому гибридные сокращенные наименования получают значительное распространение в языке и привлекают все большее внимание исследователей.

Литература

1. Амосова, Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 219 с.
2. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка (практический курс). – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
3. Аристов, И. Б. Основы перевода.- М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 264 с.
4. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 305 с.
5. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Издательство Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
6. Слепович, В. С. Курс перевода. - Минск: Тетра Системс, 2003. – 320 с. – ISBN 985-470-098-4.

Чигорина Л.В. Категория оценки как аспект ценностной «картины мира»

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Язык отражает мир с разных сторон. Прежде всего, в языке представлена объективная действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками. В языке отражается также взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный. Объективная действительность отражается в нашем сознании в понятиях, а понятия выражаются словами. В этой цепи первичным является действительность, а понятие и слово являются вторичными. Слово выступает как языковой эквивалент соответствующего понятия и возникает вместе с понятием. Будучи условным обозначением понятия, слово вызывает представление о предмете, признаке, действии, явлении.

Однако способы словесного выражения понятий в разных языках не одинаковы: для выражения одних и тех же понятий могут быть использованы разные образы-символы.

Язык, как известно, является исключительным атрибутом человека. Одновременно человек является центральной фигурой в той картине мира, которую рисует язык.

Различные языки не просто по-разному обозначают один и тот же предмет, а отражают разные видения этого предмета, т.е. национальное видение мира. Соответственно, каждый народ обладает своей национальной картиной мира, которая формирует отношение человека к миру, природе, другим людям, самому себе как члену этого общества, определяет нормы поведения. Национальная картина мира определяет национальную языковую картину мира данного этноса.

Именно категория оценки добавляет к пропозициональному содержанию высказывания особый компонент, тесно связанный с прагматикой процесса коммуникации. Любая оценка подразумевает существование ценностной «картины мира», сосуществующей с предметной, и соответствующих социальных стереотипов. Изучение разного рода оценочных параметров и их актуализация в речи приобрело особое значение в связи с ростом внимания к человеческому фактору в языке. Исследования в этой области таких ученых как Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Н.Н. Мироновой, А.Н. Баранова и др. оказали большое влияние на формирование концепции оценочного дискурса в отечественной лингвистике.

Категория оценки отражает прагматическую (воздействующую) функцию. Термин «прагматика» (о греч. *pragma* – дело, действие) был введен в научный обиход одним из основателей семиотики – Ч. Моррисом. Моррис разделил семиотику на семантику – учение об отношении знаков к объектам действительности, синтактику – учение об отношении между знаками и

прагматику – учение об отношении знаков к их интерпретаторам, т.е. к тем, кто пользуется знаковыми системами. Прагматика, таким образом, изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации.

Прагматика адресанта является основным звеном лингвопрагматики, стоящим за точкой зрения, позицией адресанта. Понятия «точка зрения» и «прагматика адресанта» не являются тождественными. Точка зрения – это позиция субъекта (идеологическая, психологическая, социальная и т.д.), его социально-оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям, а прагматика субъекта – это коммуникативная установка на использование тех или иных средств, обусловленная как его точкой зрения, так и конкретной коммуникативно-прагматической ситуацией. Оценка, по Ч. Стивенсону, предназначена для воздействия на адресата. Она отражает прагматический аспект знаковой ситуации. Концепция Ч. Стивенсона известна в аксиологии как теория эмотивности. Она основана на понимании значения слова как одного из членов отношения «стимул - реакция».

Другой представитель школы лингвистического анализа Р. Хэар уже прямо определял оценочное значение в терминах коммуникативной установки, связывающей высказывание с действием. Оценка, по Хэару, выражает рекомендацию, предписание и не может быть определена в терминах других слов, лишенных этой функции.

Некоторые объекты, по Хэару, могут получить двойную характеристику: дескриптивную и оценочную. Примерами первой могут послужить предложения типа: Эта клубника сладкая; эта клубника крупная, красная, сочная; Примерами второй – Это хорошая клубника; Это клубника именно такая, какой и должна быть клубника. Высказывания первого типа часто служат основанием для высказываний второго типа, но ни первые сами по себе не влекут вторых, ни наоборот. И все же между ними должна существовать тесная логическая связь. Допустим, нам известны все дескриптивные свойства, которыми обладает клубника, нам известно также значение слова хороший. Следовательно, чтобы назвать клубнику хорошей, нам необходимо знать, каков стандарт хорошей клубники. Ценностные суждения, по Хэару, имеют общий характер: они отсылают к некоторому стандарту, применимому не только к данному, но и к другим случаям.

«Язык оценок, - писал Хэар, - удивительно хорошо приспособлен к употреблению в ситуации принятия решения, инструкции о выборе или при изменении принципов выбора и модификации стандартов».

В оценочном тексте нет мета ни аналицизму, ни необходимой истине, а отношения между оценкой и фактом не могут быть квалифицированы как логические. Оценочные суждения имеют основания и мотивы и это одинаково приложимо к этическим, эстетическим и другим подобным рассуждениям, однако основание оценки, по мнению Айера, ни логического, ни научного доказательства не имеет. Не существует никакой особой процедуры исследования ценности фактов и ситуаций, отличной от исследования самих этих фактов и ситуаций. Основания, приводимые в поддержку оценочных суждений, составляют мотивы, цель которых заключается в том, чтобы

сформировать некоторое отношение, мнение, оказать на других лиц давление (воздействие), либо дать возможность самому принять практическое решение.

Иногда оценочность связывают с субъективной модальностью, объединяя их в одно понятие или рассматривая в качестве взаимодополняющих понятий. Такой подход связан с узким и широким пониманием модальности. Если рассмотреть категорию модальности в узком смысле как грамматическую, точнее, морфологическую категорию, то основное средство выражения модальности в рамках этого подхода – наклонение глагола.

Исходя из широкой трактовки модальности, по Ш. Балли, под модальностью понимается точка зрения говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к отражаемому и выражаемому в предложении «отрезку» действительности.

При анализе оценки, как категории, интересны разные подходы при трактовке эмоциональной и рациональной оценки. Категория оценки в рамках коммуникативно-прагматического подхода представлена в работах Е.М. Вольф, которая разработала основы функциональной семантики оценки, рассматривая данный лингвистический феномен как особый вид аксиологической модальности. Оценка определяется как социально устоявшееся и узуально закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта (лица, группы лиц, социума) к объектам действительности, как компонент, который возможно выделить в сложном взаимодействии объекта оценки и его субъекта.

Ориентация оценки на процесс принятия решений приводит к фиксации наиболее часто встречающихся стратегий оценивания в представлениях человека о мире и о закономерностях поведения в нем. Последнее находит отражение в языковой структуре.

Категория оценки – явление текстового порядка, что признают все исследователи. Оценка – характеристика текста (а не его отдельных единиц), которая складывается из целого комплекса средств выражения: лексических, грамматических, стилистических, синтаксических.

Следует отметить, что оценочные предикаты сами по себе не всегда информативно достаточны. Современный когнитивный подход к изучению оценок требует расширения единицы исследования до более объемного контекста. Это позволит модулировать конкретную коммуникативную и когнитивную ситуацию с учетом особенностей познавательных процессов, связанных с образованием оценок, и тех ментальных структур, на базе которых осуществляется продуцирование, понимание и интеграция высказываний оценочного характера.

В этом отношении показательны работы Т.Г. Добросклонской, которая рассматривает медиатексты с когнитивной точки зрения, это позволяет исследовать медиатексты как в связи с общими проблемами, так и в связи с вопросами языковой картины мира.

В оценке постоянно взаимодействуют субъективный и объективный факторы, причем каждый из них затрагивает и субъект, и объект оценки. Так, субъект выражает оценку, как на основе собственных эмоций, так и с учетом

социальных стереотипов, объект оценки также подразумевает объективные свойства и свойства, которые могут оцениваться исходя из предпочтений индивидуального субъекта.

Оценочные стереотипы часто бывают размытыми. Оценка в отличие от идентификации не стремится указать точное место объекта с его признаками в «картине мира», а лишь помещает его в некоторую зону оценочной шкалы.

Оценки абсолютная и относительная представляют собой разные виды структур, со своей спецификой. Абсолютная оценка в отличие от сравнительной оценки всегда подразумевает оценочные стереотипы носителей языка, что является одним из основных ее свойств. Абсолютные оценки расположены по шкале, где имеются зоны плюса и минуса и зона нейтрального, т.е. зона, где положительные и отрицательные признаки уравниваются. Нейтральное в оценке следует отличать от безразличного – безразличными являются объекты, которые не рассматриваются как ценности. Безразличное для оценки может быть социально обусловлено, но может зависеть и от позиции субъекта: Мне это безразлично.

В тексте оценка чаще всего бывает не независимой и органически связана с дескриптивной стороной текста в целом. Оценка как бы расставляет объекты по местам в ценностной «картине мира», определяя их взаимодействие.

Специфика ценностного восприятия мира отражается во многих аспектах языка. Когда речь идет об оценке, то в «картине мира» выступает на первый план человеческий фактор. Значение оценки резко возрастает, когда она касается мира людей или событий, связанных с людьми.

Существуют некоторые области языковой структуры, где свойства оценки проявляются особенно очевидно. Оценка специфическим образом соотносится с классификацией: оценка служит для выделения объекта из класса ему подобных, в то время как классификация вводит объект в состав класса.

Значительный интерес представляет функционирование оценки в речевых актах. Успех речевого акта зависит от степени воздействия говорящего на адресата. Оценка играет чрезвычайно важную роль при непосредственной коммуникации, где, как правило, бывают так или иначе затронуты интересы участников.

Особую проблему составляет изучение соотношения оценки с ее объектом. Выбор оценочных средств определяется местом объекта оценки в «картине мира». Оценка приобретает особые прагматические характеристики, если ее объектом является участник акта коммуникации – говорящий (он же часто субъект оценки) или адресат. Также если объект оценки входит в сферу интересов того или другого: средства аффективной или экспрессивной оценки используются главным образом в этих случаях.

Особый характер приобретает оценка, когда она относится к событийным наименованиям. Известно, что не всякое событие можно оценить, чаще всего оценивается не событие само по себе, а деятельность его актантов.

Представления о «картине мира» и оценочных стереотипах органически входят в модальную рамку оценки. В текстах оценка выражается, как правило, комбинированно, разными средствами, как собственно языковыми, так и

вводящими фрагменты ценностной «картины мира». Оценку можно рассматривать как особый аспект языковых выражений, который как бы накладывается на их дескриптивное содержание, причем при лингвистическом анализе эти два аспекта могут быть разделены. При этом дескрипция отражает «картину мира» как таковую, в то время как оценка ориентируется на ее ценностную сторону, которая определяется взаимодействием мира и человека с его ценностными ориентациями. Оценка в том или ином виде присутствует в любых видах текстов, даже если она не выражена эксплицитно. Однако для лингвистического анализа интересны в первую очередь те тексты, где оценка выражена эксплицитно.

Список использованной литературы:

1. Азарова Л.В. Прагматическое использование приема преуменьшения// Прагматические условия функционирования языка. – Кемерово, 1987. – С. 73-78.
2. Вольф Е.М. Варьирование в оценочных структурах. Семантическое и формальное варьирование. – М., 1979., С. 273-294.
3. Вольф Е.М. Метафора и оценка// Метафора в языке и тексте. – М., 1988., С. 52 - 65.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985., С. 214.
5. Хэар Р.М. Дескрипция и оценка. Лингвистическая прагматика// НЗЛ. – Вып. 16. – М., 1985. – С. 183-195.

Шидловская И.А. Проблемы заимствования лексических единиц с уникальными основами

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Как известно, термин «уникальность» является заимствованием из латинского языка. Анализируя корпус немецких слов (на основании «Словаря словообразовательных элементов немецкого языка»), содержащих уникальную основу (387 слов), мы обнаружили, что 75% данных лексем являются также заимствованиями, и только 25% - немецкими пуристическими словообразовательными элементами.

Рассматривая эти 75%, мы выявили что все они подпадают под классификацию заимствований, а точнее являются заимствованиями-интернационализмами, т.е. словами общего происхождения, существующими во многих языках с одним и тем же значением, но обычно оформляемые в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами данного языка. (Д.З. Розенталь, М.А. Теленкова). Например, субстантивы Dekan (уникальная основа dek-) или Allergie (уникальная основа –erg-) можно найти практически без фонетической ассимиляции и в немецком и в русском языках. Эти слова имеют, как правило, терминологическое значение и относятся к таким областям, как химия, медицина, биология, музыка, искусство, география. Интересная особенность состоит в том, что многие слова, содержащие уникальную основу, относятся к церковной терминологии. Например, Agende (УО ag-)- требник; Präbende (УО präb-) – приход, доход духовного лица от прихода; Archimandrit (УО –mand-) – архимандрит.

Теоретическому и практическому изучению проблемы заимствований и их освоения посвящен ряд работ отечественных и зарубежных авторов (Э. Рихтер, Л.П. Крысин, А.М. Кокин, Э.Ф. Володарская, О. Бехагель, Э.Хауген, Л. Блумфильд, Ф.Ф. Брагина и др.).

Исследование специфики вхождения, освоения и функционирования лексики иноязычного происхождения затруднено тем обстоятельством, что до сих пор в лингвистической литературе нет единства в истолковании основных понятий, связанных с процессом миграции языковых элементов из одной системы в другую. Такими понятиями являются «заимствование» и «заимствованное слово». Это вызвано различием в задачах, целях и методах исследований, тем, какую роль в них играет вопрос о заимствовании – подчиненную, вспомогательную или же он находится в центре внимания исследователя. В понятия «заимствование» и «заимствованное слово» различными авторами вкладываются разные значения.

Л. Блумфильд под заимствованием понимает определенный вид языковых изменений и различает:

1. Заимствованное понятий культуры.
2. Внутреннее заимствование, происходящее в результате непосредственных контактов, обусловленных территориальной или

политической близостью.

3. Диалектные заимствования, проникавшие в литературный язык из диалектов.

Большой вклад в изучение взаимовлияния разных языков внес Э. Сепир. Он отмечает, что подобно культурам, языки редко бывают самодостаточными. Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних или культурно доминирующих языках. Каков бы ни был уровень или характер взаимного контакта между соседними народами, он ,в общем итоге , всегда достаточен для установления какой-то степени языкового взаимовлияния. Зачастую влияние развивается в одном направлении. Естественно, что у языка страны, на которую смотрят как на средоточие культуры, больше возможностей оказывать заметное влияние на другие языки, распространенные по соседству с ним, нежели испытывать на себе их влияние.

Как подчеркивает в своем труде Э. Сепир, самый простой вид влияния, оказываемого одним языком на другой, сводится к заимствованию слов. Когда есть налицо культурное заимствование, есть полное основание ожидать соответствующего заимствования слов.

В нашей работе мы установили, что языками-донорами большинства заимствований с уникальными элементами (227 лексем) в немецком языке являются латинский и французский языки. Это и понятно, т.к. долгое время именно Древний Рим, а затем Франция являлись средоточием науки, искусства, военного дела. Например, *Leutnant* (лейтенант), *Sergeant* (сержант), *Sykophant* (сикофант, профессиональный доносчик и шпион в Афинах), *Lamelle* (техническая пластинка, ламель), *Kavent* (поручитель), *Anämie* (анемия, малокровие), *Scharnier* (шарнир, полая проволока, трубочка) и др.

Э.Хауген указывает на двусмысленность и нечеткость термина «заимствование», т.к. им может обозначаться как сам процесс заимствования (в его начальной стадии), так и его результат. Поэтому Э.Хауген выделяет полное заимствование и частичное воспроизведение, что позволяет учитывать не только лингвистические, но и историко-социальные факторы.

Данная точка зрения получило отражение в работе В.Н. Ярцевой. В.Н. Ярцева отмечает, что для заимствованной терминологии (в области науки, техники и т.п.) типично полное воспроизведение чужого слова, разве что с поправкой на его приспособление к фонетической и акцентной системе заимствующего языка; что касается лексики бытовой (нейтрального стиля речи), то при ее вхождении в лексико-семантическую сферу заимствующего языка столкновение с членами синонимических и словообразовательных рядов должно приводить к заметным изменениям в семантическом объеме заимствованного элемента.

С.А. Беляева считает, что заимствование – это «сложное преобразование иноязычного материала в новой языковой среде». Сложный характер самого процесса заимствования и их адаптации подчеркивают все лингвисты. Очень часто об этом пишет М.П. Алексеев: «Заимствование с одной стороны- творческий процесс обращения к языковому фонду других языков,

затрагивающий все уровни языка: лексику и фразеологию, словообразование, грамматику и фонетику. С другой стороны – это любая языковая единица, элемент, модель, появившиеся в результате этого процесса и вступающие в парадигматические и синтагматические связи с единицами, элементами и т.д.».

В рамках нашего исследования наиболее приемлемым следует считать определение заимствования с точки зрения его структурного состава, предложенное Л.П. Крысиным: «Представляется целесообразным называть заимствованием процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики.» Близкое к данному определению мы находим определение данного термина в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: заимствование есть «элемент чужого языка (морфема, слово, синтаксическая структура), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой».

Как известно, процесс заимствования не может происходить сам по себе в отрыве от жизни общества и языка. Как правило, история культуры любого народа рассматривается: во-первых, как имманентное развитие, во-вторых, как результат внешних влияний. Эти процессы тесно переплетены. Любой язык является постоянно изменяющейся системой. Считается, что не существует языков, полностью лишенных элементов смещения. Взаимодействие языков обуславливают определенные причины.

Л.П. Крысин приводит разделение причин на внешние, внеязыковые и внутренние, собственно языковые. К неязыковым он относит внешние экономические и политические связи, оговаривая при этом, что не всегда их активизация ведет к «интенсификации» языковых контактов и наоборот. Среди языковых причин главными являются тенденции к устранению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры и потребность уточнения или детализации соответствующего понятия, разграничение некоторых смысловых оттенков. К факторам, стимулирующим заимствование, относится наличие в языке-реципиенте структурно однотипных слов, а также постоянное стремление языка к нерасчлененности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего.

Ю.С. Сорокин выделил приводящие к использованию иноязычной лексики следующие обстоятельства: 1) необходимость восполнить недостающие звенья в лексической системе литературного языка; 2) необходимость передать новые оттенки понятия, выраженного в родном языке исконным словом; 3) внедрение интернациональной лексики.

Если эти обстоятельства отсутствуют, то употребление такой лексики можно считать нежелательным фактором родного языка. Автор также приводит классификацию признаков освоения слов иноязычного происхождения: « Для освоенного иноязычного слова характерно следующее:

- 1) формальное приравнивание его к нормам заимствующего языка, т.е. к его звуковой и морфологической системе;
- 2) широкое и интенсивное употребление слова в речи, в разных её стилях,

у разных авторов, особенно у авторов, принадлежащих к разным поколениям, к разным направлениям и к общественным группировкам:

1. появление у заимствованного слова производных на почве данного языка и подчинение его словообразовательным законам усвоившего языка;

2. наконец, очень существенным моментом является устранение смысловой дублетности слова, дифференциация его по значению в отношении его ближайших синонимов на почве данного языка».

Вопросом классификации слов иноязычного происхождения в русской и зарубежной лингвистической литературе уделялось много внимания (О. Бехагель, Э. Хауген, Л.Л. Зиндер, Т.В. Строева и др.) В любом языке данные элементы лексики не являются однородными по степени их функционального и формального освоения. Эту неоднородность использовали в качестве основного принципа при классификации немецкие лексикологи, разделив слова иноязычного происхождения на «заимствованные» (*Lehnwörter*) и «чужие» (*Fremdwörter*) по О. Бехагелю. Мы не будем подробно рассматривать данный момент, т.к. исследуемые иноязычные слова, содержащие уникальную основу, как уже было сказано, относятся к интернационализмам, т.е. те слова, которые возникли по большей части на базе слов греческих или латинских, обозначают понятия международного характера, распространены по крайней мере в трех неродственных или неблизкородственных языках и сходны в них до степени идентификации в орфографическом или фонетическом отношении (Й. Йирачек, И.М. Мальцева).

На первый взгляд кажется, что преобразования в словарном составе языка происходят постепенно, размеренно в периоды социальной и исторической стабильности, и языковые изменения затрагивают отдельные, незначительные участки системы. Однако «спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений», ибо «в языке, как и вообще в природе, всё живёт, движется, всё изменяется» (Бодуэн де Куртене).

Анализируя этимологический словарь Duden, было установлено, что исследуемая лексика активно вошла в обиход в 17-19 веках. В этот период значительно изменяется и расширяется сам состав заимствований: увеличивается количество отвлеченных слов, названий различных предметов, лиц, терминов искусства и естественных наук, медицины, астрономии, филологии и философии, военных и морских сфер (за исключением церковной, которую использовали немецкие священнослужители еще в раннем христианстве). Например, *Proviant* (провиант), *Standart* (стандарт), *Magnat* (магнат, вельможа), *Surrogat* (суррогат, заменитель, замена), *Ordinate* (мат. ордината), *Kontinent* (континент), *Geodäsie* (геодезия), *Implantation* (мед. имплантация, внедрение, проникновение), *Irrigation* (орошение, промывание), *Vakzin* (вакцина), *Lupine* (бот. люпин), *Saibling* (мед. голец), *Amitose* (биол. амитоз, прямое деление ядра) и др.

Как известно, терминология развивается в рамках общей лексико-семантической системы языка и подчиняется тем же законам, что и

национальный язык. Признавая различие причин заимствования, отметим, что основным, узловым моментом является понимание того, что процессы, характерные для заимствований, которые происходят в общенародном языке, свойственны и языкам специальным. М.И. Фомина также выделяет причины языковые и неязыковые: «К языковым причинам заимствований относится, прежде всего стремление носителей языка пополнить, углубить и расширить представление о предмете, детализировать понятия признака посредством разграничения смысловых и функциональных оттенков. Неязыковыми причинами заимствований может считаться вся внешняя для языка ситуация, которая складывается в тот или иной период у того или иного народа. Любой народ, вступая в экономические, культурные, политические связи с другими народами, отражая военные нападения, заключая военные союзы и т.д., импортирует и речевые конструкции.

Заимствуются не только слова, но и аффиксы и основы (корни) слов. Разумеется, процесс их адаптации касается всех уровней и подуровней языковой системы. Однако, наличие в лексике ощутимого количества заимствованных слов каким-то образом «давит» на отдельные участки языковой системы, а в некоторых случаях может их заменить. Трудно представить, чтобы такое изменение претерпевала бы фонетическая подсистема, характеризующаяся закрытостью.

Таким образом, оказывается, что заимствованные элементы могут проникать не на все уровни системы языка, а лишь на те, которые связаны с лексикой и характеризуются относительной открытостью.

Исследователи, отмечающие заимствованный характер словообразовательных элементов, считают, что такое проникновение происходит только через заимствованные группы слов. Если это так, то приходится констатировать, что заимствованная лексика не только адаптируется, но и может обогатить словообразовательную систему языка-реципиента. Сам факт существования в словообразовательной системе заимствованных элементов в лингвистической литературе рассмотрен достаточно подробно. При этом отмечена необходимость изучения не только продуктивных, но и непродуктивных (каковыми и являются большинство заимствованных аффиксов) словообразовательных типов.

Заимствованное слово, попав на почву принимающего языка, испытывает опрощение, утрачивает черты производности и членимости, хотя бы оно и имело их в языке-доноре. Для того, чтобы чуждый аффикс ожил на новой для него почве, необходим ряд условий. Недостаточно одного чисто количественного роста слов определенной структуры. В заимствующий язык должны быть перенесены не просто изолированные лексемы, но и производные слова вместе со своими производящими, «что и составляет основу для проявления словообразовательной модели» (И.Г. Добродомов). Таким образом, проникновение иноязычных словообразовательных аффиксов бывает связано с накоплением в языке большого количества слов, образованных по однотипной модели, вместе со словами, от которых они образованы, с которыми связаны словообразовательными отношениями.

Наличие нескольких языков-источников также способствует ускоренному освоению системой принимающего языка словообразовательных формантов, входящих в состав заимствованной лексики. Например, субстантивы с различной уникальной основой содержат одинаковый суффикс женского рода латино-французского происхождения –ie, который обозначает отрасли науки, техники, общественной системы либо группы лиц на основе социальной или к.-л. другой общности, а также черт характера человека, его отношения к другим людям, явлениям: Anämie (анемия малокровие), Ätiologie (этиология), Bakteriämie (бактеремия), Kolonie (колония), Kompanie (военная рота), Antipathie (антипатия), Manie (мания, страсть), Sympathie (симпатия).

Иноязычный элемент следует понимать в двух смыслах. С одной стороны – это тот, который взят из другого языка. С другой стороны, иноязычный – это тот морф, который продолжает функционировать в том языке, откуда поступил в совпадающем значении. Дело в том, многие ученые одной из причин вычленения «чужого» слова считают морфемное членение этих слов. Фактически, речь идет о том, что вместе со словом заимствуется его морфемное членение. Важную роль в адаптации словообразовательных элементов играет типологическое сходство контактирующих языков, ведь «при одинаковом характере присоединения и разграничения морфем в составе производящего слова возникает больше возможности для заимствования аффиксов, чем при значительных различиях в этой оболочке» (И.Г. Добродомов). Но это нельзя понимать только как результат контакта между двумя ареально близкими языками, языками народов-соседей.

Так немецкий язык никогда не соседствовал с русским или венгерским, однако в нем имеются заимствования суффикса –ar: Vojar (боярин), Husar (гусар).

Иноязычные словообразовательные средства не заимствуются самостоятельно и изолированно. Они проникают в принимающий язык в составе заимствованных слов, поэтому термин «заимствованная морфема», по мнению некоторых исследователей, не вполне корректен; однако он удобен тем, что отражает чужеродный характер словообразовательного элемента. Имея в виду условность и некоторую некорректность термина «заимствованная морфема», мы все же будем прибегать к нему, поскольку он краток и традиционно употребляется в работах, затрагивающих проблемы освоения словообразовательной структуры заимствованных слов и место заимствованных аффиксов. Иноязычный аффикс может считаться заимствованным лишь постольку, поскольку он в то же время есть выделенная морфема в языке-реципиенте. Особое место в системе заимствованных формантов занимают интернациональные морфемы, т.е. такие, которые содержатся, прежде всего, в словах, относящихся к интернациональной лексике. Как уже было сказано, по происхождению они либо восходят к латинскому и греческому источникам (an-, ad-, ag-, di-, -em, geo-, hetero-, -tion и мн.др.), либо являются заимствованием из каких-либо живых языков (преимущественно из французского: -age, -aillie, -ance, -iere, -ment, -türe и др.).

Словообразовательная адаптация заимствованной лексики – один из

показателей высокой степени ее освоенности принимающим языком. Для определения показателей положения иноязычных слов в словообразовательной системе языка-реципиента (немецкого) существенным является вопрос об их членимости.

Членимость/нечленимость слов на морфемы – это наиболее общее свойство основ, по которому могут быть рассмотрены основы всех слов.

Понятие морфологической членимости основ находится в прямой зависимости от сопоставимости отдельных частей слова.

А.М. Пешковский отмечал, что самая возможность для слова распадаться на две части появляется в том случае, если в языке существуют два ряда слов, похожих по звукам и по значению на данное слово. «В одном из этих рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикальный ряд), в другом – та же формальная часть с другими основами (горизонтальный ряд). Только в следствии такого двойного сравнения и происходит распадение слова на части». Однако не все слова характеризует полная и регулярная соотносимость с другими словами на основе наличия у них общих корней и аффиксов. Горизонтальное и вертикальное сравнение слов, у которых есть тождественные в формальном и семантическом отношении составляющие, легло в основу шкалы членимости и производности, разработке которой были посвящены исследования Е.А. Земской, Н.А. Янко-Триницкой и других ученых.

В современной лингвистической литературе принято выделять несколько типов членимости. Они располагаются по принципу убывания. На самой высокой ступени находятся слова, обладающие полной свободной членимостью: свободный корень в них сочетается с аффиксом, встречающимся также в других основах. На второй ступени членимости находятся слова, у которых и корневая, и аффиксальная части с таким же значением или функцией встречаются в других основах, но корень является связанным. К третьей ступени членимости относятся слова, когда корень выступает сопоставимой морфемой, а морфема с деривационным значением является несопоставимой.

Членимость основ этих типов предстает как реальная, так как в качестве сопоставимой морфемы выступает корень, сочетающийся с повторяющимся аффиксом.

Однако наше исследование посвящено словам с недостаточной или потенциальной членимостью, где в качестве сопоставимой морфемы выступает аффикс, выделение которого поддерживается или не поддерживается полной членимостью других основ.

В таких словах корень «предстает единицей остаточной после выделения аффиксов, его словопорождающие возможности следует оценивать как потенциальные» (И.А. Ширшов). Так, например, существительные на –ent, -ant, такие, как Leutnant, Rendant, Sergeant, Sykophant, Kavent, Klient, Patient обозначают лиц по роду занятий, званию, положению. Они могут члениться на фоне аналогичных образований с основой, обладающей двусторонней сопоставимостью: Referent от referieren, Assistent от assistieren, но сами не обладают словообразующими функциями, т.к. основа (leut-, rend-, kav-, kl-, pat-) является уникальной и больше не встречается ни в какой другой лексеме.

Образования с недостаточной неподдержанной членимостью занимают на шкале последнее место. В качестве примера можно привести субстантивы *Glaukom*, *Trachom*. На основании их сопоставления друг с другом можно выделить комплекс –om, свойственный обозначениям болезней, связанных с воспалительными процессами.

Англицизмы на –ing стали в последнее время рассматриваться в качестве образований, стоящих на последней ступени членимости, хотя еще недавно считались нечленимыми. По мнению исследователей : «здесь наблюдаются только первые зародыши изолирования отдельной морфемы» (Р. Беленчиков). Например: *Dumping* (демпинг, бросовый экспорт) или *Meeting* (встреча, собрание). Данное окончание только при уникальных основах означает действия людей.

Поставленный таким образом вопрос заставляет обратиться к проблеме субморфа, впервые получившей освещение в работе В.Г. Чургановой «Очерк русской морфологии (1973)». В научной литературе неоднократно отмечалось, что между ясным морфемным членением слова и полным отсутствием такового существует ряд промежуточных моментов. С этой точки зрения «субморф, соотносимый с определенной суффиксальной, префиксальной или корневой морфемой, может вычлениваться там, где данные морфемы не вычлениются». Таким образом, «единица, выражающая морфологическое единство регулярно организованных элементов звуковой оболочки слова, не вычленимых на морфологическом уровне, с элементами вычленимыми, и есть субморф». Иными словами, субморф – это обычно кандидат в морфемы или бывшая морфема. Фактически, на уровне субморфа вычленивается конечный элемент в рассмотренных выше примерах, таких, как, *Leutnant*, *Sergeant*, *Klient*, *Kavent*, *Patient*.

Е.А. Земская подчеркивает, что наличие субморфа способно влиять на словообразовательное «поведение» слова. Заимствованные слова, в структуру которых входит субморф, могут ощущаться носителями языка как слабо мотивированные. Но на исследуемой нами лексике вышеуказанное «поведение» равно нулю. Безусловно, большинство заимствованной лексики образуют различные словообразовательные конструкции. Но это не относится к словам с уникальной основой, поэтому данная группа стоит особняком. Лексика была заимствована в прошлые века и в таком же «замороженном, остаточном» варианте активно используется носителями современного языка: *Burleske* (бурлеск, фарс), *Groteske* (гротеск, острая сатира), *Chenille* (синель, шнурок), *Tonsille* (миндалина), *Intermezzo* (интермеццо), *Intervall*, *Epidiaskop*, *Stethoskop*, *Konfitüre*, *Ouvertüre*, *Protokoll*, *Präambel* и др.